

ВЫБОР КНИЖНОГО КЛУБА РИЗ УИЗЕРСПУН

Зид по чаю и завтрашнему дню

ЛОРА ТЕЙЛОР НЕЙМИ

Настоящие романтики

Лора Тейлор Нейми

Гид по чаю и завтрашнему дню

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Нейми Л.

Гид по чаю и завтрашнему дню / Л. Нейми — «Издательство АСТ», 2020 — (Настоящие романтики)

ISBN 978-5-17-145469-2

Лайла Рейес не собиралась проводить лето в Англии. Ее план состоял в том, чтобы: 1) Стать главным пекарем в семейной пекарне. 2) Переехать к лучшей подруге после выпускного. 3) Жить со своим парнем долго и счастливо. Но потом кое-что случилось, и план развалился. Обеспокоенные настроением Лайлы, родители составляют для нее новый: провести три месяца с друзьями семьи в Винчестере, Англия, чтобы расслабиться и перезагрузиться. Сложно почувствовать себя лучше там, где нет солнца и проблемы с едой, – так думает Лайла, пока не встречает Ориона Максвелла. Странный продавец из чайной решает помочь девушке избавиться от апатии, назначая себя ее личным гидом. И в очередной раз все в жизни Лайлы Рейес идет не по плану...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-145469-2

© Нейми Л., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лора Тейлор Нейми

Гид по чаю и завтрашнему дню

В оформлении издания использованы материалы по лицензии © shutterstock.com.

© Laura Taylor Namey, 2020

© А. Сиськович, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящается ХильделIZE Виктории, моей смелой и прекрасной матери

«Если увидишь на дне чашки чая нерастворившийся сахар, значит, кто-то в тебя влюблен».

Народное поверье

«Кстати, «тайана» не означает “завтра” – это значит “не сегодня»».

– Билли Коллинз

Глава 1

Называйте это как хотите. Каникулы. Подарок на школьный выпускной. Может быть, побег. Знаю только, что никогда в жизни не была так далеко от Майами.

Я здесь только потому, что меня подвело кубинское лекарство. Оно очень древнее и похоже на рецепт. Ингредиенты разнятся от семьи к семье, но суть всегда одна: тебе разбивают сердце, а семья помогает пережить это. Вот только не хватит никакой еды и родственников, чтобы склеить мое разбитое сердце. Поэтому они меня облапошили, как в сюжете одной из маминых мыльных опер.

– Следующий. – Таможенник лондонского аэропорта Хитроу жестом приглашает меня пройти вперед. – Цель вашего визита, мисс? – спрашивает он после того, как я протягиваю ему свой паспорт.

Две секунды, четыре, затем моя наглая ложь:

– Каникулы.

Я молчу, потому что меня ждет один из моих принимающих, Спенсер, а вторичный досмотр стоит для меня в одном ряду с вырыванием зубов и гинекологическим осмотром. Но, *dios*¹, как я хочу сорваться на этого таможенника. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не наклониться к его выглаженной синей униформе и не прорычать:

– Я. *Здесь*. Не только потому, что моя дорогая *abuelita*² отошла в мир иной, но потому что спустя два месяца после ее смерти меня предала лучшая подруга, а парень, с которым я встречалась три года, бросил меня прямо накануне выпускного бала. Я называю это тройным несчастьем. Очевидно, я не смогла оправиться от всего этого достаточно быстро, поэтому семья отправила меня сюда, чтобы я остыла. Я не хотела ехать в эту вашу Англию, но моя мамочка выкинула величайший фокус всех времен, даже более мощный, чем выпечка из гуавы и другие кубинские лекарства от печали. Она призвала на помощь бабушку. Так что, отвечая на ваш вопрос, *у меня* нет здесь никакой цели визита.

Шлеп. Офицер ставит штамп и протягивает обратно паспорт.

– Приятных каникул.

Это, черт возьми, маловероятно.

Два часа спустя, после малоразговорчивой поездки в автобусе, а затем молчаливой – в такси, водитель высаживает нас у места, которое я видела только на картинках. К сожалению, солнца добавить в этот раз забыли. Я вся трясусь под серым небом, пока Спенсер с трудом вытаскивает два моих огромных чемодана из багажника.

Итак, я в Винчестере, графство Хэмпшир, Англия.

Я пересекаю узкую улочку и подхожу к гостинице «Сова и ворон». Как и большинство других зданий в городе, «Сова и ворон» выглядит как из романа Джейн Остин. Огромный свадебный торт из оранжево-красного кирпича с возвышающимися над районом башнями. Плети плюща из галереи обвивают трехэтажное здание, словно зеленые артерии. История – это место сочится ею.

В Майами нет ничего настолько старинного. Даже сеньора Кабраль, которая, прихрамывая, до сих пор заходит в нашу семейную пекарню каждый понедельник и уже казалась *tan vieja*³, когда мои родители еще не появились на свет, не настолько старая.

Спенсер Уоллас катит мои чемоданы под обвитой розами аркой. Видя Спенсера здесь, а не в Майами, куда он приезжал с женой и сыном, я понимаю, как он всем внешним видом

¹ Господи (*исп.*) – *Здесь и далее прим. пер.*

² Бабушка.

³ Такой старой.

подходит своей гостинице. Начавшие сесть рыжие волосы. Густая эспаньолка и усы. На нем даже тяжелый твидовый блейзер. Именно после *этого*, когда я мельком увидела дальнего родственника в аэропорту, путешествие стало казаться еще более сюрреалистическим, чем когда я садилась на рейс. Мама и папа отправили меня в чужую страну, где мужчины носят твидовые блейзеры. В *шоне*.

– Ну же, Лайла, идем, – зовет Спенсер с порога. – Кейт уже, наверное, вернулась с физиотерапии. Тут внутри тепло. – Он случайно толкает меня в плечо, закрывая за нами дверь. – Извини, – говорит он и бросает очередной обеспокоенный взгляд на мою одежду. Он косится на нее с тех пор, как я прошла пограничный контроль. Как я поняла по пятому терминалу Хитроу, мои белые джинсы, золотые босоножки и легкая розовая майка не подходят для каникул в Англии, даже в начале лета. Но они *идеальны* для Майами. А холодно мне или нет, уже не важно.

В гостинице тепло, но не душно, пахнет сливочным маслом и сахаром. Я вдыхаю этот аромат, стараясь задержать его в легких. Знакомые запахи помогают чувствовать себя здесь как дома, насколько это возможно.

Тіа⁴ Кейт спускается по полированной деревянной лестнице.

– А, вот и ты. – Она подходит и обнимает меня. – Прости, что не смогла встретить тебя вместе со Спенсером в аэропорту и что забрала машину.

– Мы отлично доехали на автобусе, – говорю я в ее колючее шерстяное плечо. Ее светлые волосы собраны в низкий пучок, как и при нашей последней встрече, но акцент звучит ровно, как никогда. Вот что могут сделать двадцать пять лет жизни в Англии с венесуэлкой, урожденной Каталиной Ракель Мендозой? Здесь, в средневековом городке Хэмпшира, при этом муже, ее зовут Кейт Уоллас.

– Как ты выросла! Тебе почти восемнадцать. – Кейт делает шаг назад и хмурит брови. – Идем в гостиную, напою тебя чаем, пока Спенсер относит чемоданы наверх. Там горит камин, и я могу дать тебе свитер, пока будешь распаковывать вещи. Твоя маечка слишком тонкая – я не хочу, чтобы ты простудилась.

У меня сжимается сердце и вдруг... я начинаю реветь. Здесь, в уютном фойе «Совы и ворона», с его полированными деревянными половицами под моими босоножками и высокими корзинами с зонтиками у двери. Ни в международном аэропорту Майами, когда с моего лица не сходила непробиваемая хмурость, ни даже тогда, когда я с чувством долга целовала *mis padres*⁵ и сестру Пилар. Ни пока я наблюдала, как исчезали огни моего города за крылом авиалайнера. Я не плакала тогда. Не хотела. Но Каталина-Кейт Уоллас поймала меня врасплох, и я не могу удержаться. Из глаз льются слезы, а горло сжимается от воспоминаний, которые я никогда не забуду.

*¡Ponte un suéter, que te vas a resfriar!*⁶

Надень свитер, а то простудишься! Кубинская мантра всех мантр. Вытатуируйте ее на наших лбах. Напишите ее несъедобными чернилами школьных ручек с ароматом фиалки. Кричите ее с оглушающей громкостью из окон детям, поедающим фруктовый лед на улицах Маленькой Гаваны. Моя *abuela*⁷ бросала стопки вымышленных свитеров налево и направо. До одного холодного мартовского утра. Самого холодного дня из всех.

Моя рука взлетает к золотому кулону на шее в виде голубя – *abuela* подарила мне его четыре года назад. Кейт замечает это, утонченные черты ее лица увядают.

– Ох, твоя дорогая *abuelita*. Она была такой хорошей женщиной, любовь моя.

⁴ Тетя.

⁵ Родителей.

⁶ Надень свитер, ты простудишься!

⁷ Бабушка.

Любовь. Не *mija*⁸. Английская Кейт не ее дочь.

– *Abuela* меня практически вырастила. – Кейт смотрит в мои опухшие глаза. – Жаль, что я не смогла приехать на похороны.

– Мама все поняла. Путь неблизкий. – Четыре тысячи триста восемьдесят миль.

Кейт прижимает обе ладони к моим щекам. *Abuela* тоже так делала, отчего на моих глазах снова выступают слезы.

– Скажи правду, – говорит она. – Хотя я только что перенесла операцию на шею, твоя мать все равно винит меня, верно?

Я смеюсь. Англия ничего у нее не украла. Поджатые губы, руки в бока и испытующий взгляд сразу напоминают мне Кейт такой, какой я запомнила ее во время последнего приезда Уолласов в Майами.

– Как ты догадалась?

– Я очень люблю твою маму, но даже *telenovela mujeres*⁹ могут у нее поучиться.

Мыльные оперы. Мама не ходила в колледж, но у нее степень в драме по специальности «перегибание палок». Она также виртуозно умеет делать все мне наперекор.

– Посиди в гостиной, а я пока принесу чай, который Полли для нас заварила, – говорит Кейт и указывает на сводчатый проход, прежде чем уйти.

Я снимаю свою черную сумочку через плечо; из кармашка торчит таможенный бланк. *Приятных каникул*. Я сминаю листок в шарик, настолько крошечный, насколько хватает сил. Никакие «каникулы» мне не помогут.

⁸ Дочь.

⁹ Женские телесериалы.

Глава 2

Я понимаю, почему гости «Совы и ворона» в восторге от послеобеденного чая, который подают в гостиной, но в этом сконе слишком много сахара. Хоть текстура практически идеальная, но в уровне сладости многие пекари терпят неудачу. Мука, сливочное масло и сахар – всего лишь основа для других вкусов: приправ и экстрактов, фруктов, кремов и шоколада. Выпечка никогда не должна быть слишком сладкой. Она должна быть запоминающейся.

Не то чтобы я эксперт по сконам; на самом деле я никогда их не пекла. Последний раз я их ела четыре месяца назад с послеполуденным чаем, когда Пилар захотела отпраздновать свой двадцать первый день рождения в отеле «Майами Билтмор».

Как и тот отель – эта гостиная с ее льдисто-голубыми стенами и парчовыми тканями выглядит, скорее, как картина, нежели комната. Я же здесь – фигура, нарисованная в чужой жизни.

Назову ее «Юная кубинка с переслащенным сконом не в Майами».

– ...и прогулки. Сельская местность очень близко. Можешь взять один из велосипедов для гостей, добраться куда угодно и по-настоящему отдохнуть. В центре полно кафе и маленьких магазинчиков. Я уверена, они тебе понравятся. – Между глотками крепкого черного чая Кейт провела последние пять минут, пытаясь продать мне Винчестер, как заправский риелтор.

Я холодно улыбалась все это время, словно мне было до этого дело.

– Звучит здорово. И спасибо, что приняли меня. – Я сижу в воображаемом пространстве между желанием утопить свои слова в украшенном узором из роз заварнике и выказать уважение женщине, которую знаю с рождения.

– К черту любезности, – говорит Кейт, – можешь быть со мной откровенной.

– Хорошо. – Я ставлю чашку на стол с неподобающим звяканьем. – Не хочу здесь оставаться. – Не важно, были они мне семьей или нет.

Ее взгляд остается спокойным, как белое мраморное небо за окном. Кейт обводит пальцами ободок чашки. Ее закругленные ногти поблескивают темно-вишневым лаком.

– Конечно, не хочешь. Нет нужды притворяться. Но твои родители считают, что некоторое время вдали от дома поможет...

– Как насчет того, что думаю я? Что насчет *моих* чувств? – Я, словно заевшая пластинка, повторяю этот текст с тех пор, как мне забронировали билет на самолет. Помощь, которая мне нужна, находится в четырех тысячах миль отсюда через Атлантику. Там, где несколько недель назад у меня было все, чего я хотела. Там наша пекарня; я стану управлять ей и развивать бизнес. Эту пекарню когда-то открыла моя abuela. «Ла Палома»¹⁰. Память о ней и ее дух поселились в тех стенах. А меня там теперь нет.

Не нужна мне Англия. Майами – мой любимый город. Дом, где я так часто побеждала за семнадцать лет. Он зовет меня, сгущая кровь, отдаваясь в костном мозге. «*Ты моя*, – говорит он. – *Ты снова можешь победить*».

Но не здесь. Не в Англии.

С Майами связаны самые дорогие мне отношения, которые я втайне оплакиваю. Abuela. Андре. Стефани. Мои сердце, тело и память еще не оправились после них. За восемьдесят пять дней в Англии слишком много может произойти перемен, а меня не будет дома, чтобы их остановить.

– Тебе больно, Лайла. И ты напугала своих родителей, – говорит Кейт. – Самое важное сейчас, чтобы ты оправилась, а не взяла на себя управление «Ла Паломой».

¹⁰ La Paloma – голубь (исп.).

Вуено¹¹. Что ж. К черту любезности – видимо, это правило работает в обе стороны. *Но у меня все было под контролем.* Мне нужно больше времени, а не разговоров или пространства. Почему родители не могут этого понять?

Кейт накручивает на палец выбившуюся из пучка прядь волос.

– Пообещай мне одно, потому что мы обе знаем о гневе *tu mamá*¹².

Я бросаю на нее взгляд, удивившись испанским словам.

– Постарайся обустроиться здесь. Может, даже немного повеселиться. Ты ведь будешь осторожной? – Похоже, полчаса в моей компании добавили юго-западные нотки к ее акценту. – Не бегай одна по ночам и не делай ничего... безрассудного.

Безрассудного. Как то, что я сделала две недели назад? Мои щеки краснеют от стыда и злости. *Я была такой неосмотрительной. Такой небрежной.*

Но я молчу. Я не отвечаю, съедая последние кусочки скона с черной смородиной, который испекла Полли. Да, слишком сладкий.

Моя чашка пуста только наполовину, когда Кейт хлопает меня по плечу.

– Я покажу твою комнату. Спенс уже, должно быть, отнес сумки наверх. – Она встает и жестом зовет меня за собой в фойе, а затем вверх по широкой лестнице.

На втором этаже «Совы и ворона» восемь гостевых комнат. Кейт упоминала, что все были забронированы, но сейчас обшитый деревянными панелями холл занят лишь рядом медных канделябров. У каждого по бокам огромные золотые крылья.

Мы останавливаемся у широкой двери без номера с клавишной панелью.

– За этой дверью лестница, которая ведет к нашей квартире. Код – индекс старого района в Майами. – Лицо Кейт смягчается от ностальгических воспоминаний. Когда ее родители переехали в Майами из Венесуэлы, Кейт так много времени проводила в бабушкином доме с мамой, что он стал для нее родным. Мы с Пилар никогда не звали ее кухней. Она всегда была нашей *tía*.

Кейт жестом просит меня ввести знакомые пять цифр. После сигнала дверь открывается, открывая вход на очередную лестницу с резными перилами.

Лестница приводит нас в просторный лофт. Кейт указывает на одну сторону коридора.

– Наша со Спенсом комната вон там.

Она поворачивается и ведет меня через гостиную в противоположное крыло.

– В этой стороне твоя комната, ванная и комната Гордона. Он сейчас с группой занимается в библиотеке.

Я смутно припоминаю, что экзамены здесь занимают значительную часть лета.

– Поверить не могу, что Гордону уже шестнадцать.

Она улыбается.

– Он так сильно вырос, что ты его и не узнаешь. Когда вы виделись в последний раз, ему было, кажется, двенадцать. Прямо перед нашей поездкой в Ки-Уэст.

– Ага, он любил бегать по кухне в «Ла Паломе», пока вы с мамой пили кофе на крыльце. – Мои темные волосы падают на лицо, и я чувствую запах самолета. Я откидываю их назад. – Он пытался украсть пирожное с каждого противня, что *abuela* доставала из печи. Она шлепала его полотенцем, но ему было все равно.

Воспоминания жалят, как шлепок резинкой по запястью.

Я отвожу взгляд в сторону; Кейт сжимает мое плечо. Она открывает деревянную дверь и указывает рукой внутрь.

– Располагайся. Ты знаешь, где меня найти. Ужин в семь.

¹¹ Хорошо.

¹² Твоей мамы.

В спальне, где мне предстоит провести следующие восемьдесят пять дней, стоит кровать с балдахином на четырех столбиках. Не из «Икеи», а аутентичная мебель регентской эпохи. Я бросаю сумочку и провожу пальцами по вишневой древесине. Как и от всего остального в гостинице, от нее веет стариной.

Спенсер оставил мои чемоданы рядом со скамьей с серой вельветовой обивкой. Я изучаю комнату: комод с телевизором, двухместный серый диванчик с узором из цветов, письменный стол. В одной из стен огромное окно из двойного стекла, сквозь которое пробивается тусклый свет с улицы. На соседней стене ряд еще более широких окон, но с поворотным механизмом. Я раздвигаю шелковые занавески кремового цвета. Оконные рамы издают протяжный скрип, когда я поворачиваю ручку и высовываюсь по пояс наружу. Наклонившись через подоконник, я вижу поверх верхушек деревьев огороженный церковный двор, который почти вплотную примыкает к моей стороне «Совы и ворона». Глаза с трудом стараются привыкнуть, что перед ними больше не пальмы и персиковая штукатурка, а выдавший виды кирпич и церкви со шпилем, как у этой крошечной каменной церквушки по соседству.

Моя новая комната великолепна. Однако от этого мне не меньше хочется бить кулаками в стену и издавать дикие крики, которые эхом отдаются в моей голове весь день. И весь март, и весь апрель, и весь май. От этого мне не меньше хочется спрятаться под пуховым одеялом.

Я решаю откатить чемодан к двери – еще не готова обустраивать свою новую жизнь. Расстегиваю огромную сумку на кровати. Она наполнена Майами. Запах мамино лимонно-уксусного средства для кафеля и моего комнатного освежителя воздуха с ароматом гардении прочно въелся во все содержимое, которое мне сегодня понадобится. Abuela научила нас так упаковывать багаж.

Благодаря ей мы с Пилар никогда не осмеливались сесть в самолет, не положив в ручную кладь запасную пару нижнего белья и сменной одежды. *В конце концов, авиакомпания может потерять твой багаж!* Abuela никогда не доверяла грузчикам.

А я никогда не доверяла им с этими вещами: после легинсов и свободной футболки я достаю белый бабушкин фартук. Я держала его на коленях во время похорон. Затем семейную фотографию, где я, родители и Пилар стоим в саду двоюродного дедушки. И небольшое фото бабушки, которое я сделала в прошлом году. Ее худое лицо обрамлено изящной копной сидящих черных волос; она улыбается, сидя за завтраком с café con leche¹³ и pan tostado¹⁴.

Abuela и я были единственными в семье, кто обожал собирать los recuerdos – памятные вещи. У Пили нет гена сентиментальности, а маме ненавидит барахло. Однако она до сих пор не выкинула колоду карт, фотографии, статуэтки и сушеные цветы из бабушкиного комода. Она еще не превратила ее спальню в комнату для гостей и не убрала потерянные башмаки из сада. Пока даже маме все хранит.

Я обустраиваю свой переносной алтарь, выкладывая вещи из Майами на прикроватную тумбочку. Мое сердце начинает щемить, когда я вижу последнюю вещь в сумке – белую футболку университета Майами, которую я купила для Стефани. Этот un recuerdo¹⁵ огромных размеров – напоминание о лучшей подруге, которое я еще не готова запихнуть в выдвижной ящик.

Эта футболка – главная причина, по которой я здесь.

Словно какая-то идиотская шутка, футболка пришла с опозданием две недели назад в пекарню «Ла Палома», в тот же день, когда Стефани улетела. Стеф больше не собиралась поступать в университет Майами. Моя подруга вообще уехала из Майами. Уехала от меня.

Начало конца нашей дружбы произошло за два дня до того, как пришла футболка. Я плюхнулась на ее кровать, как и всегда, но в этот раз на ковре стоял огромный чемодан с

¹³ Кофе с молоком.

¹⁴ Тост.

¹⁵ Сувенир.

вещами. На столе лежали паспорт, кипы документов и брошюры общества католических миссионеров Южной Флориды.

Конец конца нашей дружбы произошел, когда я хлопнула дверью и выбежала из ее дома, где долгие годы была членом семьи.

А между этим моя лучшая подруга призналась, что с ноября готовилась к двухгодичному волонтерству в медицинском лагере. Месяцы подготовки, о которых она ни разу не упомянула. Стеф променяла учебу в университете Майами на отдаленную африканскую деревню, не сказав ни слова.

Две недели назад, оставшись одна в пекарне, я уставилась на логотип университета, вышитый на футболке. Наша словесная перепалка градом обрушилась на меня.

– Ты не могла мне обо всем рассказать?

– Прости, Лайла. Ты бы стала меня отговаривать.

– Неправда.

– Я должна поехать.

– Ты кардинально изменила планы на жизнь втайне от меня?

– Ты только что потеряла бабушку. А после того случая с Андре... К тому же ты знаешь, что была бы против. И у тебя получилось бы меня переубедить, как и всегда.

После этого я побежала домой и прорыдала над селфи, которое мы сделали на выпускном за неделю до этого. Моя черная грива и ее светлые локоны струились из-под шапок выпускников, окрашенных в темные цвета обмана.

Держа в руках мягкую трикотажную футболку в офисе пекарни, я поняла только одно: моя печаль изменилась, линия между двумя пульсирующими точками – бабушкой и Андре – обрела новую форму. Треугольник.

И это тройное несчастье оказалось таким огромным, что я не могла пережить его. Я не могла найти себя в черной пустоте. Мое сердце разбилось на части, а дыхание стало прелюдией шторма. Мне нужно было уходить. Нужно было бежать.

Рецепт:

как пережить предательство лучшей подруги

Секреты из кухни Лайлы Рейес

Ингредиенты:

– Спортивная сумка в кабинете папы – 1 шт.;

– Кроссовки «Найк» – 1 пара;

– Неоново-синяя майка – 1 шт.;

– Компрессионные легинсы «Адидас» – 1 пара.

Процесс приготовления: переоденьтесь в спортивное и выбегайте через служебный выход. Отправляйтесь на улицы родного города Майами. Он огромный, так что вам хватит в нем места. Пробегитесь по местам и улочкам, которые знали вас, знали о вашей любви и радости, пока последние три месяца не отняли так много. Пробегитесь везде.

***Не рассказывайте семье о предательстве Стефани. Это ваша потеря, и вы с ней справитесь.**

Готовить при температуре 475 градусов по Фаренгейту – именно настолько жарко в Майами, когда бегаешь по городу днем.

В тот день, две недели назад, я отправилась на парковку и заперла все, кроме ключей и телефона, в своем бирюзовом «Мини Купере». Делая наклоны и разогревая мышцы, я готови-

лась ко второй вещи, которую умела делать лучше всего. Я бежала далеко, как никогда; за такие дистанции люди получают кубки и медали. Моей единственной наградой было упрямое неповиновение. Долгие часы я игнорировала каждый предупреждающий сигнал опасности своего организма, бежала из одного района в другой, пока не наступил вечер. Одна мысль прорезалась сквозь пот, жару и боль, когда конечности перестали меня слушаться: если бы я убежала достаточно далеко, может, я смогла бы сбежать от самой себя.

Сегодня я думаю, была ли Стеф права. Действительно ли я смогла бы ее переубедить. В конце концов, мои способности к убеждению не сработали с семьей.

Я опускаюсь на скамейку с серой вельветовой обивкой и стараюсь не двигаться. Я надеюсь, что если не буду шевелиться, то в моем родном городе тоже ничего не изменится. Западный Дейд замрет во времени и пространстве, пока я не вернусь домой.

Глава 3

После двадцати двух часов в своей комнате я понятия не имею, какая температура на улице или сколько шагов между гостиницей и центром Винчестера. Зато я уже изучила каждое загадочное пятно на потолке и запомнила, что между входной дверью и ванной шесть шагов. Пятнадцать шагов до кухни и обратно.

Уолласы ничего не говорят по поводу моей спячки, и я каждый раз нахожу на кухне подносы с едой – благослови их бог. На одном лежала записка:

Отдыхай. Я разговаривала с твоими родителями. Мама звонила всего шесть раз.

– *Keim*

Кейт также ничего не сказала про чемоданы, которые до сих пор стоят у двери. Или про мой разряженный телефон, лежащий на разряженном ноутбуке.

Я вспоминаю о Пилар. Представляю веселую улыбку сестры, ее спокойные умные глаза и задумываюсь, сколько раз она мне уже написала. Или она решила отдохнуть от меня, зная, что я скоро вернусь? Я бросаю взгляд на телефон – голос самого драгоценного человека в моей жизни всего в двадцати секундах. Но нет. Пока рано. Я еще не готова к разговору с ней. По крайней мере, в котором смогу избежать самых крепких ругательств, какие знаю на двух языках.

Белая футболка университета Майами заставила меня выйти на ту пробежку, но рейс до Англии все равно забронировала Пилар Вероника Рейес. После посадки я дюжину раз прокручивала в голове сцену из моей комнаты в Западном Дейде, которая развернулась после того, как я несколько часов бегала по городу. Последствия были катастрофическими. Я злюсь на сестру, но больше всего я в ярости на саму себя за то, что оказалась такой небрежной.

Мое тело с лихвой поплатилось за это безумие. Я помню, как у меня болело *все*. Как ткань серо-белого одеяла царапала каждый кричащий от боли мускул и обожженную солнцем кожу.

– *Más*¹⁶, – сказала Пилар той ночью, протягивая сотую ложку *caldo de pollo*¹⁷. Я приготовила целую кастрюлю волшебного куриного бульона по бабушкиному рецепту. В совокупности с щедрым слоем *Vivarogú*¹⁸ он мог вылечить любую болезнь. – Я сказала «еще», Лайла, – бросила она, покачав головой и поджав губы.

– Хватит, – сказала я. В моем черепе словно кто-то играл на барабанах.

Пили надулась и со звоном поставила миску на прикроватную тумбочку. Эта студентка экономического действовала, как военная медсестра, мужественно и твердо. Она снова принялась оказывать мне первую помощь.

Ее руки втирали новую порцию прохладного «Викса» в мои икры. Я поморщилась, когда она снова потянулась к баночке с мазью.

– Так тебе и надо. – Она мазала пятки и пальцы; кожа слезала с них лоскутами. – Если больше не сможешь носить свои красные босоножки на каблуках, сама будешь виновата, *hermana*¹⁹.

Да, я сама виновата. Вот что бывает, когда пробегаешь больше двадцати миль за пять с лишним часов и чуть ли не ползешь в конце. Стоило начать, и я не могла остановиться. И мне просто было плевать на последствия.

¹⁶ Еще.

¹⁷ Куриный бульон.

¹⁸ Vicks VapoRub («Викс ВапоРаб») – название бальзама с ментолом и эвкалиптом.

¹⁹ Сестра.

Пилар суетилась вокруг меня: взбивала подушки, доливала воды в стакан, периодически высовывала голову в коридор, чтобы посмотреть, где родители. Она бормотала по-испански:

– *Глупая девчонка. Бестолковая, безрассудная и эгоистичная. Что, если бы я тебя не нашла? Что тогда? Господи, Лайла.*

Вот что я слышала.

Вот что я видела.

Мами и папи теснились у порога моей комнаты со своим судебным приговором. Папи опустил голову, демонстрируя черные с сединой волосы и залысину размером с четвертак.

Мами сжимала в руках пачку салфеток.

– Мы только что говорили по телефону с Каталиной и Спенсером.

Ее слова прозвучали быстро и резко: «Англия. Лето в “Сове и вороне”. Остынь. Отдохни».

В конце мамы расплакалась, а в моей груди образовалась зияющая дыра.

– Англия? Вы шутите?

Папи сделал шаг вперед.

– Это для твоего же блага. Тебе и так пришлось нелегко весной, а теперь еще и Стефани уехала.

Им просто нужно было оставить меня в покое. Я бы сама со всем справилась.

Мами откинула черные волосы с лица.

– Думаешь, мы не видим, как ты уже несколько недель плачешь по углам? Ходишь, ссутулившись, и чуть ли не натыкаешься на стены? Папи видел, как ты рыдала в кладовке в пекарне. Сидела там одна, совсем замерзла. Это ненормально, Лайла.

Но для меня это было более чем нормально. Я помню сладостное облегчение от полного оцепенения, которое охлаждало жгучую нехватку бабушкиных поцелуев в лоб. И Андре тоже. Он обнимал меня так крепко, мы словно были одним целым. Согретая с головы до пят в его объятиях, я чувствовала себя одновременно огромной, как целая планета, и легкой, как перышко. В кладовке я только хотела снова почувствовать это облегчение. Но папи вломился, начал волноваться и слишком остро реагировать.

– Вы не можете отправить меня в Англию. – Не хочу покидать «Ла Палому». Не хочу покидать Майами. Не хочу покидать семью.

– Но соседи. Они говорят о тебе больше, чем обычно. Ты не сможешь поправиться, пока...

Пока *что*? Пока о моей личной жизни шепчется весь район? Хм, даже не знаю почему. Это продолжалось уже три года. Мне стоило всего лишь урвать Андре, сына солидного конгрессмена роскошного городка Корал-Гейблс. Об Андре писали в местных журналах и газетных статьях. Его модельное лицо мелькало по телевизору вместе с его семьей во время кампаний. Клиенты, соседи и владельцы магазинчиков благословляли наши отношения, считали нашу историю любви умильной. Четыре года назад я работала на благотворительном мероприятии, устроенном его родителями. Тогда Андре впервые попробовал выпечку с гуавой от Лайлы. Следующие два года он приходил в «Ла Палому» каждую неделю за новой порцией, пока, наконец, не пригласил меня на свидание. Мне было пятнадцать, и я по самые *pastelitos*²⁰ влюбилась в сына конгрессмена.

Кубинская сказка в Западном Дейде. Но Андре не увез меня в замок.

Родители посмотрели на Пилар, практически отвернувшись от меня.

– Елена из свадебного салона «Дейдленд» заходила на прошлой неделе в «Ла Палому», – сообщила мамы, глотая слезы. – Говорит, сотрудники и некоторые из постоянных клиентов устроили пари. Они делали ставки на то, когда Лайла придет выбирать свое *vestido de boda*.

²⁰ Кексы, булочки.

Свадебное платье? Серьезно? Мою кровь словно пропустили через пламя.

– Мама! Ты себя слышишь?

Она только что вскрыла меня и размазала предыдущие три месяца по моей комнате, прямо поверх слоя бледно-синей краски.

– Но это правда, – сказала мама. – И мне так жаль.

– Теперь ходят другие слухи. – Папа посмотрел на Пили. – Почему Андре с ней расстался? Как Стефани могла оставить лучшую подругу, ничего ей не сказав? Ужасно. Люди говорят об этом на складах, в продуктовых магазинах, у газетных прилавков.

Пилар села на кровать.

– Знаю. Я тоже слышала эти сплетни.

Эй, я ведь тоже тут. Разве речь идет не о *моей* жизни? Откровения этой троицы летали вокруг, над головой и даже пронзали насквозь, очевидно, невидимую меня.

– Хватит, хорошо?

Наконец мама посмотрела на меня.

– Ничего не хватит. Ты ведь даже не делишься с нами своими чувствами. Мы не можем помочь, если не знаем, что происходит.

Я выпрямилась на кровати, все мои конечности болели и ныли.

– Я не хочу говорить о своих потерях. Мне просто нужно пережить их.

– Что, если это невозможно? – спросила мама.

Невозможно. Я слышала это слово раньше и разбила его о камень, словно кокос. Затем я взяла насыщенную белую мягкость и испекла из нее торт.

– Ты потеряла бабушку, – мягко сказал папа. – Она занимала самое большое место в твоём сердце.

– Папа. – Слово было вязким и темным, но я не собиралась плакать; они не должны были увидеть моих слез. Боль настоящая, и она моя. Я должна ее чувствовать, и я должна ее пережить. Если бы я рассказала им об этой боли, они все равно не смогли бы ее разделить, чтобы «помочь» и направить. А теперь они хотели «помочь», отправив меня подальше?

– Англия пойдет тебе на пользу. Chisme²¹ утихнут, а ты вернешься отдохнувшей... – У мамы зазвонил телефон. – Это Каталина. – Они с папы вышли из комнаты.

Я беспомощно широко раскинула руки. Мне нужно было, чтобы Пилар обняла меня и прогнала эту дурацкую идею прочь. Она обязательно это сделает. Мы же команда – лас Рейесы.

Теперь, после окончания школы, я была, наконец, готова стать полноценным пекарем и будущим владельцем пекарни «Ла Палома» вместе с Пилар. В колледж я не пойду, abuela уже и так научила меня всему, что нужно. Мы должны перенять управление бизнесом через год. Это наше наследие, наше будущее. Abuela открыла свое дело, мы должны продолжить, начиная с этого лета. Я не смогу сделать этого через океан.

– Жду не дождусь увидеть, что ты придумаешь, – сказала я с саркастической усмешкой.

Пилар выпрямилась и заставила сделать еще один глоток воды. В этот раз я не стала сопротивляться.

– Придумаю?

– Как ты избавишь меня от поездки в Англию. У нас нет на это времени. Нужно разработать новую бизнес-модель, меню и нанять новых сотрудников...

– Лайла. – Она повернулась, ее брови изогнуты. – Они правы. Так будет лучше. Я люблю тебя, но я должна тебя отпустить. Это ведь ненадолго?

Словно каждый шаг, что я сделала на улицах Майами этим днем, стал отдаваться в груди. Я содрогнулась. Я могла только покачать головой. *Нem. Нem. НЕТ.*

– Я не могу.

²¹ Сплетни.

Пилар взяла бабушкин белый фартук с вышитой синими нитками «Л». Она сунула его мне в руки. Несколько часов назад с них ручьями струился соленый пот.

– Что бы она сказала об этом? – Пилар указала на мое изможденное тело.

– Твоя сестра права, пена²². – Это маме вернулась в комнату. – Abuelita передала тебе свои навыки и страсть, а не только рецепты. Цени это, Лайла. Ты рыдаешь в кладовке, убегаешь за двадцать миль и чуть ли не ползешь обратно. Думаешь, она этого хотела? – Слезы текли по щекам маме. – Она ведь наблюдает за тобой сверху. Хочешь, чтобы она это увидела?

Я хотела закричать: «Я этого хочу? Еще как, потому что есть рецепт, который она не успела мне передать. Какое приготовить блюдо, чтобы смириться с тем, что она умерла и покинула нас так рано? Что приготовить после того, как мальчик разбил мое сердце, а лучшая подруга растоптала доверие?»

Но я ничего не сказала.

Сохраняя молчание и трясясь, я сжимала в руках фартук, цепляясь за воспоминания.

– Оуеме, ми амог²³, – сказала abuela несколько месяцев назад после моей очередной ссоры с Андре. – Ты любишь этого мальчика так же, как любишь готовить. – Она помешивала глазурь из манго. – Но иногда тебя слишком много, как сахара в твоей выпечке. Ты выставишь слишком высокую температуру.

Тогда я нахмурилась. Отмахнулась от нее.

– Mi estrellita²⁴, если ты будешь сиять слишком ярко в его небе, ты сожжешь его, и сама тоже сгоришь.

В тот день я сожгла все свое тело. Выставила слишком высокую температуру и потеряла контроль.

– Лайла, ты поедешь в Англию, – сказала маме наконец. – Мы не можем передать бабушкин бизнес, пока тебе плохо.

Вот и все.

Но моя пробежка – внешняя и внутренняя изнуренность – надела на меня намордник, и я не смогла спорить. Пока папи заходил на сайт «Бритиш Эйрвейз», я просто пялилась на «Л», вышитую на кармане фартука.

²² Детка.

²³ Послушай меня, любовь моя.

²⁴ Звездочка моя.

Глава 4

Две недели спустя после того, как папи забронировал билет на самолет, белый бабушкин фартук лежит на прикроватном столике в Англии. Прошли уже полные сутки после приземления, но я почти не вставала с постели.

Я бросаю взгляд на часы – восемь вечера. Через холл доносится какофония синтезаторов и барабанов. Очевидно, музыка играет в комнате Гордона. Не представляю Кейт и Спенсера, колбасящимися под рок восьмидесятых между развлечением постояльцев и управлением гостиницей. Как только я вспоминаю название группы – «Ван Хален», музыка выключается. Не проходит и десяти секунд, как деревянные панели на стенах начинают вибрировать от басов следующей композиции, включенной на полную громкость. Затем... она тоже выключается после нескольких тактов. ¿Сóмо? ²⁵

Мой взгляд останавливается на алтаре памятных вещей: рамках с фотографиями, белой футболке и пируэтах вышитой синими нитками «Л».

Los recuerdos обладают уникальной силой. Силой любви, истории и наследия. Они окликают меня громче, чем музыка, на языке, на котором меня вырастили. Abuela никогда не позволила бы мне вот так бездельничать – большую часть суток проваливаться в постели. Она бы как минимум заставила меня подняться и распаковать чемоданы.

Как только я откидываю одеяло, меня встречает волна электронной техно-поп-музыки. Что ж, неужели сама вселенная говорит через Гордона Уолласа, что моя спячка официально подошла к концу? Так или иначе – нет. Я не вынесу этот грохот целое лето. Едва я дохожу до двери, музыка резко прекращается, как и до этого. Я жду, когда этот ужас возобновится, но этого не происходит.

– Хм-м-м, – говорю я себе и смотрю на чемоданы.

Десять минут спустя, разложив обувь и одежду по комоду и шкафу, я открываю второй чемодан. Сверху лежат выпрямитель для волос и косметичка. Под халатом я нахожу квадратный листок с почерком сестры.

Негмапа, не злись, но я тебя знаю.

Люблю и уже сильно скучаю.

– П.

«Не злись»? Самый верный способ разозлить меня – попросить не злиться, так что я настороженно вынимаю толстый сверток. Первое, что я достаю из коричневого бумажного пакета, – черный свитер из искусственной шерсти.

Я не паковала ни одного свитера.

Дальше – больше.

Еще один такой же свитер, только серого цвета. Короткий черный водонепроницаемый плащ. Две ветровки. Пара темных зауженных джинсов. Две футболки с длинным рукавом: одна синяя с белыми полосками, вторая темно-синяя. Наконец, огромный серый шарф с абстрактным узором из черных гепардов.

Теперь я настороженно отношусь ко всему содержимому чемодана. Я перерываю все в поисках новых улик вмешательства и нахожу пару черных ботильонов, которые Пилар купила прошлой осенью в Нью-Йорке. Я хочу обнять ее. Хочу бросить один из ботильонов в ее круглую кубинскую задницу. Я не могу сделать ни того, ни другого, поэтому решаю нарушить сестринское молчание и тянусь за телефоном.

²⁵ Почему?

Экран загорается; я вижу четыре сообщения на голосовой почте и шестнадцать текстовых от мамы. От Пилар ничего.

– Ты знала, Пили! – говорю я, когда овальное лицо сестры заполняет экран FaceTime. Она сидит в черном папином кресле в кабинете пекарни.

– Что ж, и тебе привет, – отвечает Пилар. – Два дня от тебя ни слуху, ни духу, и вот как ты меня теперь приветствуешь?

– Я написала тебе и маме, когда приземлилась. – Я машу черным свитером перед телефоном. – Ты знала.

– Что? Что тебе не понравится?

Я фыркаю.

– И, – продолжает она, – что когда я проверю твой чемодан, то найду только las camisas requeñas²⁶ и летние платья? Конечно, я знала. И я оказалась права. Лето в Англии не такое, как у нас. Маме сказала тебе, что взять с собой, Кейт сказала, и я тоже...

– Я буду носить то, что захочу.

Пили тяжело вздыхает; я практически чувствую ее горячее дыхание.

– Винчестер – это тебе не Майами.

Я бросаюсь в нее кинжалами через FaceTime.

– Лайла, думаешь, я не знаю? Мне без тебя плохо, но это единственный правильный способ.

– Я. Бы. Справилась. Сама, – процеживаю я сквозь стиснутые зубы.

– Справилась бы? Ты исчезла, а папи увидел твою машину на стоянке и подумал... что бы подумала ты, увидев это? И когда я наконец нашла тебя... на кого ты была похожа? Dios, Лайла, не так справляются с проблемами.

Пилар редко плачет. Она думает и анализирует. Она организует и сортирует. Поэтому мы так отлично сработались. Я мечтаю и придумываю то, что понравится всем. Затем готовлю, а Пилар виртуозно продает. Но теперь она хлюпает носом и рыдает, как протекший кран. Я так заблуждалась, когда думала, что одна страдаю. Что только я потеряла бабушку.

– Хватит, Пили. Знаю, я тебя напугала. Я просто хочу домой. – Домой, где все наладится.

Она шумно сморкается в платок.

– Тебе пока лучше побыть подальше от дома. Ты это доказала, понятно?

– Пекарня...

– Мы уже говорили об этом сколько раз – двадцать? Анджелина со всем справится.

Я не доверяю новому пекарю, у которой было всего несколько месяцев практики.

– Это временно.

– Claro²⁷. Мы будем работать вместе. Но сначала нужно, чтобы моя сестра пришла в себя. Отдохни и позволь Кейт позаботиться о тебе. – Она снова сморкается, затем наклоняется ближе. – Ну, как там?

– В смысле, в городе? Понятия не имею.

– Должна была догадаться по этому жуткому пучку на голове. Но уже прошло два дня!

– Я... завтра, ладно?

Ее ответ тонет в грохоте музыки. На этот раз это гитарный рифф.

– Гордон, – говорю я Пилар в ответ на ее озадаченное лицо.

– Похоже на «Укрой меня»²⁸, – говорит она.

²⁶ Легкие рубашки.

²⁷ Ясно.

²⁸ Gimme Shelter – песня группы The Rolling Stones.

– Тебе видней. – Пилар отличалась от меня любовью к классическому року, особенно на виниле. – Так продолжается уже... – Музыка снова затихает. – Понятия не имею, что он там делает, но я положу этому конец прямо сейчас. Позвоню тебе завтра.

– Espérate²⁹. – Пилар поднимает руку. – Тебе понравилась новая одежда?

– Она ужасна, – говорю я, но продолжаю поглаживать мягкую шерсть.

Пили влажно усмехается.

– Ты давно засматривалась на мои ботинки.

– Sí, pero³⁰ это не значит, что я буду их носить.

Губы сестры растягиваются в улыбке.

– Но ты положишь их в шкаф. И футболки с куртками тоже.

Затем я чувствую, как по моему лицу тоже расплзается улыбка, которую я не могу контролировать, как бы ни старалась.

– Может быть.

Через тридцать секунд после того, как я кладу трубку, из комнаты Гордона снова раздается музыка. Я стучу в его дверь, затем начинаю с силой колотить. Затем колотить и кричать. Шум, наконец, прекращается, и подпольный диджей открывает дверь своей спальни. Его густые рыжие волосы – копия отца – собраны сзади в растрепанный короткий хвост.

– Здравова. Так ты, значит, не умерла. – Он вертит в руках цветной карандаш.

Я не обращаю внимания на его комментарий:

– Музыка.

– А что с ней?

– Громкость. – Я демонстрирую уровень шума руками. – Слишком громко.

В его голове словно загорается лампочка.

– А-а-а. У нас тут отличная звукоизоляция, а я не привык, что в этом крыле есть кто-то еще.

– Мне все равно.

Гордон чешет висок кончиком карандаша.

– Ну да, что ж, музыка настраивает меня на творческий лад.

– А более тихая версия той же музыки не поможет тебе настроиться на то, что ты там творишь?

– О, вот это. – Он театрально делает шаг в сторону.

И... вау. Стены его комнаты покрыты карандашными рисунками домов во всех мыслимых архитектурных стилях. Каждая картина наполнена филигранными деталями и красочными пейзажами.

– Ты их все нарисовал?

Он кивает в сторону чертежного стола, усыпанного измерительными инструментами, радугой из карандашей и чистым листом пергаментной бумаги.

– За последние несколько лет. Это типа хобби.

Я иду по периметру маленького домашнего района Гордона, мимо каменных коттеджей, домов в викторианском стиле и зданий эпохи Тюдоров. У окна стоит виниловый проигрыватель с колонками. Пластинки на полке ждут, пока Гордон врубит их на полную мощность.

– Так вот откуда звук.

Он подходит.

– Извини, что включаю и выключаю. Просто не мог найти подходящую, понимаешь? Постараюсь потише.

²⁹ Подожди.

³⁰ Да, но.

– Спасибо. – Я беру пластинку «Роллинг Стоунс» с «Укрой меня». – Пилар тоже их коллекционирует. Всегда ищет редкие экземпляры.

– Удивительно, на что некоторые готовы пойти. У нас здесь есть магазинчик с виниловыми пластинками, называется «Фарлейс». В городе, рядом с Хай-стрит.

Я мысленно делаю заметку, прежде чем продолжить осматривать остальные работы Гордона. Может, дело в цвете или форме, но меня тут же притягивает картина, на которой изображено двухэтажное здание ярко-персикового цвета с терракотовой крышей. Изысканные пальмовые листья развеваются над подстриженной зеленой лужайкой, а розовая бугенвиллея крадется по яркой штукатурке. Я резко оборачиваюсь.

– Это...

Он задирает подбородок.

– Знал, что тебе понравится. Прямо из Корал-Гейблс во время нашего последнего визита, если я правильно помню. Мне понравились стиль и цвета.

Дом. Мое сердце сжимается, словно оно знает. Затем я делаю шаг назад, изучая всю стену. Рядом со зданием из Корал-Гейблс висит идеальное изображение «Совы и ворона» и бунгало мастера. Среди кирпичных особняков и домов с соломенной крышей дом с персиковой штукатуркой смотрится совершенно неуместно.

Глава 5

Следующим утром я просыпаюсь слишком рано для человека, который уснул так поздно, как я. Спустя три дня мой организм все еще игнорирует местное время и отталкивается от восточного часового пояса, в котором я прожила всю жизнь. Забитые мышцы ног сопротивляются, пока я спускаюсь вниз. Зеркало в позолоченной раме, висящее в фойе «Совы и ворона», говорит, что мои глаза выглядят как две виниловые пластинки.

Раз уж я, очевидно, не вернусь в Майами в ближайшее время, мне нужно найти в Англии что-то свое. *Necesito correr*³¹. Точнее, мне *очень* нужно бегать.

Что я не забыла упаковать, так это форму. Легинсы и спортивную майку, поверх которой я надела футболку с длинными рукавами. В шкафу висят две ветровки (Пилар), но они редко были нужны мне в Майами, и здесь я тоже обойдусь без них.

Другие ранние пташки проходят мимо, пока я разминаю мышцы ног в фойе. Телефон торчит из кармана. Я уже несколько недель не заходила в «Инстаграм», сначала из-за Андре, теперь из-за Стеф. Но после долгой тишины и тоски по дому у меня чешутся пальцы кликнуть на иконку и пролистнуть страницу, на которой когда-то была запечатлена и моя жизнь. *Встречается ли Андре уже с кем-то?*

Эта мысль давит, но я дала Пилар клятву.

Я пообещала Пили, что перестану отслеживать его «Инстаграм». Я пообещала идти вперед, хотя это последнее место, куда ноги хотят меня сейчас привести. Но мои обещания сестре что-то да значат, и меня бесит эта мысль. Так что телефон остается в кармане, а я возвращаюсь к разминке.

Две девчушки с косичками с писком несутся по лестнице впереди родителей. Они тревожат воздух, который пахнет выпечкой. Я не могу устоять перед соблазном. Вместо того чтобы выйти на улицу, я бегу в противоположную сторону к коридору для персонала. Запах приводит меня к широкой двери с маленьким окошком. Кухня.

*Qué hermosa*³². За порогом вторая по красоте кухня, которую я видела в жизни. Только при виде нашей кухни в пекарне «Ла Палома» мое сердце бьется быстрее. Ряды промышленных стеклянных светильников освещают огромное пространство. В центре разделочный стол, присыпанный белой мукой. Мой взгляд скользит по французским скалкам и стеклянным мискам, корзинам и открытым полкам, на которых размещены посуда, оборудование и сковородки всех размеров. Открытая дверь напротив ведет в забитую доверху кладовую. Я подхожу к промышленной подовой печи; четыре булки хлеба поднимаются и румянятся, как загорающие на пляже Майами. А запах...

Возможно, меня выпроводили из города, обманом отправили на эти летние каникулы. Я отчаянно хочу домой, но *здесь* я вижу слабый проблеск самой себя. Оборудование и ингредиенты зовут меня голосом, который я слышала с детства. Отмерить, смешать, приправить и испечь – вот мои первые слова. А самое главное, эта теплая, пропахшая дрожжами комната напоминает о бабушке. Чего бы мне это ни стоило, я не буду просто гостем в «Сове и вороне». Я стану их пекарем.

Наружная дверь со скрипом открывается, затем резко захлопывается.

– Заблудились? – За моей спиной раздается голос, похожий на крик попугая. – Гостиная в другой стороне.

Я оборачиваюсь.

³¹ Нужно бегать.

³² Только посмотрите.

– А, извини. Ты, должно быть, Лайла. – Голос исходит от белой женщины, навскидку, шестидесяти пяти лет. Она такая высокая, что у меня брови ползут вверх. У нее острая, точеная, словно вырезанная из бумаги фигура. Ненакрашенное лицо под шапкой седых волос, круглое, напоминающее летающую тарелку из второсортного фильма.

– Да, здрасте, я Лайла Рейес.

– Полли. Хозяйка показывала мне твою фотографию. – Она идет к раковине, чтобы помыть руки. – Если хочешь на завтрак что-то другое, я скоро подам закуски в гостиную. – Я сразу распознаю пренебрежение в ее голосе.

Я стою напротив нее, между нами деревянный стол, как богатая золотом земля.

– Вообще-то, – говорю я, – я здесь на все лето.

– Знаю.

– Моя семья владеет пекарней. Уже более сорока лет.

Полли бросает взгляд на электронные настенные часы, затем распахивает духовку.

– Полагаю, об этом я тоже слышала. Миссис Уоллас упоминала о маленьком кубинском местечке.

Маленькое. Кубинское. Местечко. Я плотно сжимаю губы, чтобы не дать языкам пламени вырваться наружу. Как бы я ни горела желанием рассказать ей про мой богатый пекарский опыт, я уважаю «кухню». И это кухня Полли. Если я хочу провести лето в компании масла, муки и сахара, составляющими единственную часть сердца, которая осталась нетронутой, мне придется быть осторожнее. Проскользнуть в эту кухню, а не вломиться. Мне придется быть... любезной.

Я поправляю волосы. Улыбаюсь.

– Мисс, э-э-э, Полли, я недавно пробовала ваш хлеб и сконы. – Слишком сладкие. – И подумала, может, я смогу работать на кухне? Помогать вам с выпечкой?

Полли упирает одну руку в бок.

– Ты будешь готовить для гостей? Со мной?

– Это отличная идея!

Мы с Полли резко поворачиваемся к двери. Каталина «Кейт» Мендоза Уоллас могла бы работать на Венесуэлу секретным агентом.

– Правда? – спрашиваем мы с Полли в один голос. Только я – с радостной ноткой; Полли же задает вопрос, словно Кейт только что отдала мне последнее печенье из банки.

Кейт подходит ближе; она одета в мятно-зеленое кашемировое пончо и черные зауженные штаны. Она кладет руку на плечо Полли.

– Я бы не доверила твою кухню никому другому. Лайла очень способная, и у нее большой опыт. – Кейт поворачивается ко мне. – Надеюсь, это поможет тебе чувствовать себя как дома. Но я оставляю тебя в полное распоряжение Полли.

Клянусь, я слышу, как Полли шипит.

– Теперь, – говорит Кейт, заглянув в духовку, а затем снова посмотрев на нас, – мне нужно убедиться, что Гордон не опоздает к стоматологу. Так что я оставляю вас двоих. Думаю, вы сами разберетесь, как разделить обязанности.

Полли берет с полки красную папку.

– У меня пять минут, чтобы дать тебе получасовой инструктаж. Как мы тут работаем. – Под «мы» она явно имеет в виду «я».

– Уверю вас, я справлюсь с любым рецептом из этой папки. – Я уже мою руки. – И я разберусь с оборудованием и ингредиентами.

– Посмотрим. По утрам мы подаем хлебцы с джемом и сезонными фруктами. У меня уже готовы апельсиновые сконы с медом и тосты. Затем чай, в половине четвертого. – Полли открывает папку на ламинированной странице с напечатанным рецептом. – Сегодня по плану торт «Мадейра» и шоколадные бисквиты.

Шоколадные бисквиты? Abuela научила меня экспериментировать со вкусами, как это делала она. Но некоторые сочетания попросту несочетаемы.

– Бисквиты с шоколадом? – спрашиваю я, чувствуя, как морщится нос.

– Если собираешься хотя бы попытаться печь в Англии, нужно ознакомиться с нашими *основами*. – Полли произносит последнее слово так, словно уже записала меня в свой класс пекарского дела для дошколят. Она сует красную папку мне под нос. По фотографии я понимаю, что английские бисквиты – это печенье. А-а-а. Понятно.

– Я займусь бисквитами, – говорит Полли, переворачивая страницы, затем дает книгу мне в руки. Следом кидает чистый фартук. – Полагаю, можешь приготовить торт «Мадейра». Сможешь испечь четыре штуки?

Иногда уважение требует образования – un roquito³³. Я выпрямляюсь.

– Когда мне было тринадцать, родители застряли в Нью-Йорке, и я сама выполнила огромный заказ для вечеринки конгрессмена. За ночь я сделала более тысячи кубинских булочек и закусок. «Майами Геральд» даже написали об этом статью. – Я замечаю подходящие формы для выпекания и беру их. – Так что я смогу выпечь четыре торта.

Полли ставит деревянный противень в духовку.

– Хм-м-м. Результат скажет сам за себя, не так ли?

Она открывает стеклянную дверцу, берет на лопату румяные булки и переносит их на стол остывать.

Я пробегаюсь глазами по ее рецепту торта «Мадейра». Мой взгляд мгновенно цепляется за ошибки. Неверное соотношение муки и сахара и... маргарин? Для таких плотных тортов лучше всего подходит сливочное масло. В крайнем случае растительное. Но маргарин? Нет.

– Полли? – *Ее кухня. Не моя. Кухня Полли.* – Я посмотрела ваш рецепт и хотела спросить, могу ли я испечь масляный торт, он почти такой же. Это рецепт моей бабушки.

Она фыркает.

– Понимаю. И все же мы здесь всегда подаем торт «Мадейра». По рецепту *моей* бабушки. Так же, как и сконы делаются по ее рецептам.

Ага, вот и корень всех проблем. Бабуля обожала сахар, а потом никто не переучил. Я говорю, глядя на свои беговые кроссовки:

– Он очень вкусный, но...

– Господи. У меня слишком много дел, чтобы стоять здесь и спорить. *Полагаю*, можешь испечь торт своей бабушки. – Она берет тарелку с закусками. – А будешь ты его готовить во второй раз или нет – потом посмотрим.

Dios. Я нахожу несколько основных инструментов в цилиндрическом контейнере рядом с раковиной. Я переставляю контейнер на разделочный стол, где пекари им всегда пользуются, затем знакомлюсь с духовкой. Духовка в «Сове и вороне» такая же, как в нашей пекарне, – хоть одна знакомая вещь. Я наизусть знаю ингредиенты для бабушкиного масляного торта, но все равно проверяю рецепт в телефоне, чтобы убедиться, что правильно конвертировала количество ингредиентов на большую порцию.

Однако айфон теперь не в кармане, но в моей руке, а это значит, что «Инстаграм» прямо перед глазами. Может, во всем виновата смена часовых поясов или отношение Полли, но я не могу удержаться, чтобы мельком не заглянуть в приложение, пока разогревается духовка.

Моя лента обычно начинается с фотографий из кулинарных аккаунтов, но не сегодня. Меня приветствует широкая улыбка Стефани, пока она позирует перед университетом Ганы. Ее светлый конский хвост перекинут через одно плечо. Руки широко раскинуты, и она выглядит... счастливой. Без меня. Более того, у нее был доступ в интернет, а она даже не написала. Хотя бы чтобы просто сказать, что у нее все хорошо.

³³ Немного.

Смесь разочарования и сожаления перебрасывает меня на вторую страницу, которую я поклялась избегать: *Андре Миллан*. Вот и он, улыбается со своей новой фотографии рядом со сверкающим каналом, огибающим его дом в Корал-Гейблс. Я быстро ее приближаю – оливковая загорелая кожа, мышцы и черные короткие волосы, постриженные ежиком, который всегда ему шел. И до сих пор идет. Я обратно уменьшаю фотографию.

Прошла неделя, а новых постов нет, но, пролистнув его профиль, я чувствую, как скручивает живот. Она просто... исчезла. Андре удалил одну из моих любимых селфи с ним. Другие фотографии со мной остались, но та, где мы на пляже в Пальмовой роще в его день рождения? Бац.

Зачем я вообще смотрела? Я возвращаюсь к приложению с рецептом, но наш последний разговор эхом отдается в голове: *«Дело не в любви. Мне просто нужно разобраться в себе, понять, кто я на самом деле»*.

Слова Андре, сказанные при расставании, снова жалят, открывая старые раны. На самом деле он теперь мальчик, медленно удаляющий мои фотографии из аккаунта, где запечатлена его жизнь.

Двадцать минут спустя в миске замешано тесто, ингредиенты помножены в правильном соотношении. Я избегаю бухгалтерскую математику, в которой царствует Пилар, но без вычислений в рецептах все же не обойтись. А этот рецепт должен был показать кухонному монарху «Совы и ворона», на что способна девчонка из «маленького кубинского местечка». Четыре формы для выпекания смазаны и уже ждут. Остался последний штрих.

Раздается громкий рев, пока я ищу в кладовке миндальный экстракт. Это либо газонокосилка-мутант, либо мотоцикл со страдающим от простуды двигателем. Минуту спустя я выглядываю из кладовки и вижу мокрого от дождя парня примерно моего возраста на моей кухне – э-э, то есть на кухне Полли. На столе белый ящик, которого раньше не было. Прежде чем я успеваю сказать «привет», парень подходит к деревянному столу, макает палец в миску с тестом и облизывает его.

Я выбегаю из кладовки.

– Какого черты ты творишь?

Он вздрагивает.

– Твой палец! В моей миске!

– Ой, извини. – Ага, не вижу ни капли сожаления в его шести с лишним футовой, облокотившейся на стол туше. Темно-русые волосы, словно создатель макнул его в дождевую лужу – стрижка кроп с кудряшками на макушке. На нем потертые джинсы и коричневый кожаный бомбер. – Мы не знакомы. – Он выпрямляется, но что-то в моем лице заставляет его отдернуть протянутую руку. – Орион Максвелл.

Мне не нужно его имя. Я хочу, чтобы его кровь оросила живую изгородь Спенсера за эту наглость. Однако я все же говорю:

– Лайла Рейес. – Я склоняюсь над миской. – И это для гостей. А если бы это была заготовка для безе? Даже две капли воды с твоего пальца все испортили бы.

– А это для безе? – Он играет бровями. – Обожаю.

– Нет, это не для безе. И не для твоих рученок. Ты приехал сюда на грязном мотоцикле. Орион кивает в сторону раковины и крутит пальцами.

– Помыл их перед тем, как снять пробу. Как и всегда.

– Хочешь сказать, ты часто так делаешь? – Я размахиваю руками. – Ходишь и суешь свои пальцы в тесто, когда угодно?

Он подходит ближе. Настолько близко, что я замечаю голубые глаза, небольшую ямочку на подбородке и точеную форму носа. От него пахнет древесиной и сырой кожей.

– Только если попросят.

– Не припоминаю, чтобы отправляла приглашение.

– Я уже понял, – говорит он. – И снова прошу прощения. Привычка. Полли всегда просит попробовать.

Я театрально фыркаю.

– Поверю в это, когда...

– Орион. Вот ты где, дорогой. – Полли буквально вспархивает от двери и приземляется рядом с Орионом. – У нас уже почти ничего не осталось.

Он улыбается.

– Простите. Собирался приехать раньше, но в магазине произошла небольшая накладка.

Как ваша сестра?

Щелк! Хрясь! Полли как неоновая палочка. Орион надломил ее посередине, и она теперь светится вся – от седых волос до ортопедических кухонных тапочек.

– Ей гораздо лучше, спасибо. Это был всего лишь вирус.

– Рад слышать. – Он указывает на белую коробку. – Этого должно хватить. «Английский завтрак», зеленый с жасмином, две пачки «Эрл Грей» на этот раз, как миссис Уоллас и просила. Отец закинул образец нового «дарджилинга», который он недавно для себя открыл. Нереально вкусный.

– О, попробую позже, – говорит Полли.

– Вы не разочаруетесь. Увидимся. – Он идет к двери, окинув меня взглядом. Я стою в фартуке поверх спортивной формы, сжимая в руках бутылки с миндальным экстрактом.

– Подожди. – Полли бежит за ним с маленьким коричневым пакетом и широкой улыбкой во все тридцать два зуба. – У меня остались бисквиты со вчерашнего дня.

– Спасибо, постараюсь, чтобы они дожили до дома. – Он нюхает содержимое. – Лимонные! Обожаю.

Я думала, он обожает безе.

Теперь он пристально смотрит мне в глаза, кивает так, что кудряшки сваливаются на лоб.

– Лайла.

Я тихо уклончиво прощаюсь.

Сияние Полли угасает, когда Орион закрывает за собой дверь. Ее лицо напрягается, но она говорит:

– Семья Ориона владеет лучшим чайным магазином в Хэмпшире. Называется «Максвеллс». Такой милый мальчик.

Ага. Милый. Я разливаю тесто по формам для выпекания.

– Привыкай, он часто будет здесь появляться. – Полли фыркает, бросая грязную миску в раковину, затем демонстративно переносит контейнер с приборами обратно, где я его нашла. – Все должно быть на своих местах, как *было*. Включая установленные деловые связи. Так что хотя бы постарайся быть с ним любезнее. Он всегда бесплатно доставляет нам заказы.

Отлично. Просто прекрасно. Орион пихает свои пальцы в мое тесто, а в награду получает счастливую Полли и печенье? Вот еще. Я надеваю кухонную варежку, открываю духовку и ставлю в нее формы с тестом. Затем захлопываю дверцу.

Глава 6

Первая подсказка – запах. Сказать, что я понимаю кое-что в пекарском деле, – ничего не сказать. Я *знаю*, когда налажала с выпечкой или тортом. Ведь я никогда не лажаю. Кроме как сегодня.

Вбегая в помещение, я выключаю духовку, и мой желудок сводит от ужаса. Дым заполняет стеллажи. Нужно открыть. Кашляя, я надеваю перчатки и быстро вытаскиваю все четыре формы для выпекания. Меня окутывает черное облако дыма, какое обычно используют бездарные иллюзионисты в своих трюках.

Уверена, Полли чует запах гари даже в огороде. Постояльцы, наверное, думают, что гостиница горит. Я снова кашляю и ругаюсь, затем, когда помещение проветривается достаточно хорошо, я вижу почерневшие торты, похожие теперь на тротуарные камни. ¿Qué pasó? ³⁴

Я сто раз делала торт по бабушкиному рецепту, готовила в таких же формах, в такой же духовке, только... черт. Ко мне приходит осознание того, что я знала всю жизнь, но абсолютно забыла, когда разогревала духовку. В Англии пользуются шкалой Цельсия, а не Фаренгейта. Я выставила температуру в 350 градусов по Фаренгейту, что для этой английской версии духовки эквивалентно 600 градусам. Идеально для пиццы. Разрушительно для тортов.

Полли вваливается из огорода, обрывая мои мысли.

Я тереблю подол фартука, подготовившись к словесной атаке, которая даст фору *mis tías* или маме, когда мы с Пилар приходили домой позже указанного времени. Тон будет таким же, может, даже движения рук будут такими же. Только акцент и лексика могут отличаться.

Полли принюхивается, откашливается и заглядывает мне через плечо.

– Что ж, – твердо говорит она.

Я открываю глаза. Полли уже у морозильника. Она разворачивается с пирамидой маленьких пирожных в руках.

– Держала их под рукой как раз на такой случай, – говорит она. – Имбирные пирожные. Они растают как раз к послеполуденному чаю.

Полли бросает пирожные на полку, направляется к раковине и хмурится, увидев гору посуды.

– Просто ужасно! Я всегда сразу навожу порядок. – Она широким жестом обводит миски и ложки, которые я как раз собиралась помыть перед своей кулинарной катастрофой. – Миссис Уоллас не понравится вся эта грязная, разбросанная как попало посуда. Что, если она решит устроить особому гостю экскурсию на кухню? – Полли топает к выходу. – Надеюсь, ты все исправишь, – рявкает она.

Трясаясь, я выбрасываю свои неудавшиеся торты в мусорку – или, как говорит Полли, мусорное ведро. Мусор, *verdad*³⁵. У меня уходит куча времени, чтобы остервенело отдраить все формы и поверхности.

Ну что ж. Меня поддразнивает внутренний голос, пока я скидываю фартук. Кухня всегда была тем местом, где я могла надеяться на гарантированный успех, но сегодня она стала лагерем моей очередной потери. Я не могу провести больше ни минуты в этом запахе гари и моей неудачи. В плане одежды я уже готова к быстрому побегу. Я выпиваю полбутылки воды и выхожу через боковую дверь на маршрут, по которому собиралась бежать два часа назад.

Очевидно, «Сова и ворон» находится в районе Сент-Кросс. Я бегу в сторону живописной аллеи рядом с рекой Итчен; мои шаги тяжелые из-за смены часовых поясов и Цельсия. Я задыхаюсь и с трудом бегу по узкой, мокрой от дождя улице, усеянной кирпичными и камен-

³⁴ Что произошло?

³⁵ Так и есть.

ными домами. И опять основная архитектурная тема – старина. Когда улица разделяется, я оказываюсь перед широким выходом на главную подъездную дорогу. Все мысли уносит ветром; я знала, что так будет. Это не первый раз, когда я перекладываю свое отчаяние на кроссовки и пот.

Ну что ж.

Мой внутренний пекарь понимает, что означает реакция Полли, а точнее ее отсутствие. Более опытные мастера часто возятся с подающими надежды пекарями, чтобы вывести их на новый уровень. Abuela учила меня с любовью, но она не позволяла мне готовить меньшее, чем то, за чем люди будут с радостью выстаиваться в очередь. Если я готовила что-то посредственное, мне сразу же об этом говорили. В следующий раз я делала лучше.

В глазах Полли я даже не стоила критики или фразы «я же тебе говорила». Будь иначе, она хотя бы спросила, зачем или почему я выставила такую высокую температуру. Она бы напомнила, что профессиональные пекари не имеют права на глупые ошибки. Но для нее я не стою того, чтобы воспринимать меня всерьез. Я всего лишь ребенок, который примеряет колпак и фартук, играя в воображаемого пекаря.

Даже кухня говорит, что мне в ней не место.

Мое тело в не меньшем замешательстве. Пробежка по Соединенному Королевству – совсем другой вид спорта. В Майами влажная жара облизывает кожу, в то время как солнце мощно стегает меня по спине яркими горячими лучами. Здесь же все по-другому. Холод обдаёт мое лицо и впивается в легкие, опутывая носовые пазухи. Я прячу руки в рукава футболки. Дождь прекратился, но ветер покачивает деревья, опрокидывая град капель мне на голову.

Но затем карта выводит меня на пешеходную дорожку, разрезающую акры газона фисташкового цвета. Спенсер прошлым вечером упоминал про реку Итчен между ложками заварного крема с ванилью. Отсюда я вижу знаменитую достопримечательность, ленточкой извивающуюся в сторону центра города. Дорожка скользит рядом с плавно текущей водой. Я одна. Не знаю, что делать с этой тишиной.

Моя жизнь в Майами наполнена шумом. Каждая мысль сопровождается игрой на пианино и барабанах или лаем соседской собачонки. На кухне пекарни я живу в окружении радостного смеха и шуток; шума прибоа и улюлюканья туристов. Мой пейзаж – гром и шелест от птиц, дерущихся за цветы, ежедневный крик диких петухов.

Но сейчас здесь только я, река, мокрая трава и то, что осталось от моего сердца. Мой разум заполняет пустоту шумом моего дома. Он вопит в моей голове, что мы со Стефани когда-то бегали вместе каждую субботу по мосту Ки-Бискейн. Мозг заполняет пустоту и людьми: как мы с Андре гуляли по людной набережной в Майами, делили мороженое и поцелуи перемазанных пекановым маслом губ, пока моя рука была в заднем кармане его джинсов. Мой разум поет теплым высоким голосом бабушки:

– *Mi estrelita*. – Звездочка моя. – Пора готовить тамале. *Ven*. – Идем.

Но не сегодня и больше никогда.

Dios, мне здесь не место. Я не смогу рассказать этой незнакомой зелени и мраморно-серому небу о последних трех месяцах. Как бы ни считали мои родители, Майами лучше знает, что со мной делать.

Дорожка обрывается в городе, и становится понятно, насколько я далеко от дома. Я перехожу на быстрый шаг. Старый... старинный... очень старый. Это место так и просит снять спандекс с кроссовками и облачиться в платье с корсетом и туфли-лодочки. Когда эти дома с красными дверями и выющимся плющом были построены? На каждом углу окна с орнаментом и гербовые эмблемы. Многие каменные поверхности сточились до острых углов; в одной из стен желобок, словно по нему когда-то бежала кровь.

Я иду по узким улочкам, настолько тесным, что встречные велосипедисты трутся плечами. Здесь есть все: кофейни, магазины, автомобили, едущие по левой стороне дороги. К

тому времени, как я оказываюсь на шумной главной улице, я уже не тренируюсь, а осматриваю достопримечательности. Нужно понять, где я.

– Ты ведь Лайла? Из «Совы и ворона»?

Из дюжин улиц мои «Найки» привели меня прямо к... Я отрываю взгляд от телефона, чтобы убедиться: в пяти футах от меня стоит Орион Максвелл. На лоб сдвинуты защитные пластиковые очки. Он скинул кожаный бомбер, и теперь одет в клетчатую рубашку. Рукава закатаны по локоть, на руках резиновые перчатки.

– Э-э-э, привет.

– Теперь ты в моей миске, – говорит он. Я хмурюсь, и он добавляет: – На моей улице. – И когда я чувствую, как мой нос морщится, он улыбается и указывает в сторону ближайшего перекрестка. – Наш магазин вон там.

Я прослеживаю за его рукой и замечаю фасад магазина, обшитый белыми деревянными панелями. Даже отсюда я вижу огромную «М», написанную поверх стилизованного листа. Чайный магазин Максвелла.

– Если твой магазин там, тогда почему ты... – Точнее, *что* он здесь делает? Рядом с его массивными ботинками стоит бутылка с пульверизатором, ведро с водой, несколько щеток и губок.

Его лицо мрачнеет.

– Магазин Виктории разукрасили. – Он берет кисточку и указывает на мокрый черный круг на стене. – Должно быть, прошлой ночью постарались. Я хотел убрать все до открытия. В последнее время их появляется все больше и больше.

Я делаю шаг назад, разглядывая витрины. За ними манекены позируют в различных нарядах. Я вслух читаю надпись на стекле:

– «*Приходите снова*». Крутое название для секунд-хенда. Но это не твой магазин, почему ты стираешь с него граффити?

Он макает щетку в ведро с водой и принимается тереть.

– Мы всегда помогаем друг другу.

Тепло – всего четверть чайной ложки – разливается по моей влажной коже. Я делаю шаг вправо, когда Орион отворачивается от стены и пытается отойти влево. Он ловко уворачивается от меня.

– Прошу прощения, – говорит он и берет мокрую губку. Круговыми движениями он убирает остатки черного со стены.

– Я заметила, что вы, и под «вы» я имею в виду англичан, часто так говорите. – Не «извините» или «простите». Постоянно «прошу прощения», «прошу прощения».

– Так уж заведено. – Он увлеченно оттирает пятно и даже не смотрит на меня. Но один уголок его губ приподнимается. – Ты в гости приехала, как я понимаю?

– Ага, из Флориды. Майами. – Эти слова как глазурь на языке. – Кейт – кузина моей мамы, но они выросли вместе, как сестры. И лучшие подруги.

В этот раз он оборачивается.

– Гордон – мой друг. Значит, ты тоже венесуэлка, как и миссис Уоллас?

Сначала я говорю: «Кубинка», а затем рассказываю ему шестидесятисекундную версию своих летних каникул и моей роли в пекарне «Ла Паллома». Я опускаю свою катастрофу с духовкой, историю про бабушку и тройное несчастье.

Он усмехается.

– И ты уже успела проникнуть на кухню Полли? Я впечатлен. Как ты это провернула?

– Так уж у *меня* заведено.

Он улыбается: губы плюс сверкающие зубы плюс ямочки на щеках равно опасность. Для большинства девушек. Но не для меня. Очевидно же.

– Пару минут назад ты выглядела потерянной, – говорит он.

– О, я просто не могла решить, куда пойти: вернуться в «Сову» или заглянуть в винтажный магазин виниловых пластинок, про который говорил Гордон.

– Ага... «Фарлейс», – говорит он. – Гостиница стоит на пересечении Кингсгейт и Сент-Кросс. Двадцать минут пешком или быстрее, если будешь бежать со всех ног. – Он кивает в сторону, противоположную той, откуда я пришла. – «Фарлейс» в паре кварталов отсюда в ту сторону. Тебе нравятся виниловые пластинки?

– Не мне, а моей сестре. – Я заправляю под резинку выбившиеся волосы. – Хотя она помогла родителям спланировать эти трехмесячные «каникулы мечты», так что я не уверена, что она заслуживает сувениров.

Он выглядит уязвленным.

– Что не так с Англией? Или тебе не нравится конкретно Винчестер?

Я резко выдыхаю.

– Просто это не Майами.

– Едва ли. Насколько я понимаю, тебе придется провести здесь против своей воли всего лишь один сезон из четырех. – Орион выплескивает целое ведро воды на стену. Краски больше нет. – Поправочка, пусть будет три сезона. В Китае считается, что число четыре приносит неудачу.

– Ну да, между Англией и Китаем много общего.

– Излишняя осторожность никогда не повредит. – Он сбрасывает перчатки. – Итак, варианты. Первый: у тебя проблемы с паспортом. Второй: семейные проблемы. Третий: как-то связан с тем, что твоя мама и Кейт требуют от тебя сверх нормы.

– По большей части второе.

– Ох уж эти вечные семейные проблемы. Твои надеются, что Винчестер поможет?

Его ярко-голубые глаза встречаются с моими шоколадно-карими.

О нет. Только не сейчас. Только не этот парень.

– Ты задаешь много вопросов.

Орион бросает перчатки и защитные очки в пустое ведро.

– Прошу прощения.

Я закончила пробежку несколько часов назад, но в половине одиннадцатого, как сказал бы Спенсер – или Орион – мой разум еще не дремлет; он усиленно работает, стараясь поспеть за моей новой жизнью.

С тяжелым вздохом я тянусь к кулону, который никогда не снимаю. Пилар носит такой же. Abuela подарила их нам четыре года назад, когда мы приготовили блюдо для воскресного меню – тамале.

Кулон представляет собой силуэт маленького голубя – золотая копия логотипа пекарни «Ла Паломы». В темном одиночестве я закрываю глаза и вдыхаю воспоминание о том, как abuela застегнула цепочку на моей шее. Ее морщинистые нежные руки пахли masa³⁶, чесноком и пряным свиным фаршем.

– Un regalito, – сказала она тринадцатилетней мне и семнадцатилетней Пилар. Маленький подарок. – То, что вы сделали в прошлом месяце для конгрессмена Миллана, принесло почет нашей семье и бизнесу. Ваш отец вынужден нанять еще одного сотрудника, потому что у нас теперь слишком много работы. – Abuela улыбнулась, продемонстрировав ровные белые зубы.

Пилар кивнула.

– Самый прибыльный месяц в истории «Ла Паломы».

Все потому, что я не послушалась папи, когда он застрял с мамой и бабушкой в Нью-Йорке из-за шторма. Он позвонил и попросил отменить огромный заказ для отца Андре. Но

³⁶ Тестом.

я не собиралась отказываться от столь престижной работы, и у Пилар не оставалось выбора, кроме как согласиться с моими сумасшедшими амбициями. Я взяла все в свои руки, подгоняла сотрудников и работала всю ночь, чтобы приготовить тонну кубинских закусок. И я победила; даже обратила на себя внимание журналистов. Следующие несколько лет я продолжала одерживать победы, доказывая свое право стать будущим совладельцем пекарни, претворяя в жизнь свою главную мечту.

Но этим утром я облажалась и проиграла. Abuela научила меня кормить свой город, делиться лучшим, что у нас было. Я этого не сделала, когда сожгла торты на кухне «Совы и ворона». Я встаю и иду вниз, чтобы накормить постояльцев гостиницы лучшими яствами.

Час спустя аромат варящейся апельсиново-миндальной глазури и теплого масла с сахаром наполняет всю кухню. На мне бабушкин фартук, повязанный поверх пижамы.

Я ненадолго прибавляю огонь, и небольшая кастрюля с глазурью начинает пузыриться. Я убираю ее с плиты и оборачиваюсь, когда Кейт заглядывает в помещение.

– Ой, привет. Надеюсь, я тебя не разбудила, – говорю я, поморщившись.

– Все нет. – Она зевает и поплотнее запахивает пушистый халат. – Мне нужно обезболовающее, и я поняла, что оставила его в кабинете. Просто решила убедиться, что нашу кухню не населяют кулинарные привидения.

– Прошу прощения. – Теперь я начинаю разговаривать, как Орион.

– Что сегодня в меню? – Она подходит к духовке и заглядывает в стеклянную дверцу. Торты почти готовы. – Лайла. Имбирные пирожные Полли вкусные, и полагаю, она придумает что-нибудь еще на завтра или, точнее, на сегодня. Ты слегка ошиблась – не стоило из-за этого вставать среди ночи и пытаться все исправить.

– Я не совершаю ошибок на кухне, – говорю я в остывающую кастрюлю с глазурью. По правде говоря, если бы я не листала «Инстаграм» Андре, я бы не отвлеклась и не забыла про разные метрические системы. Меня бесит, что Пилар оказалась права. Бесит, что я облажалась из-за парня.

– Я знаю, на что ты способна, – говорит Кейт. – Большая часть западного Майами знает. Тебя не просто так все зовут Estrellita. Но даже маленьким звездочкам нужно спать.

Я беру кисточку для смазывания.

Кейт качает головой.

– Не нужно готовить всю ночь, чтобы потом утром печь вместе с Полли. Это не пойдет тебе на пользу. Я должна позаботиться о том, чтобы ты была в безопасности и добром здравии.

– Да, знаю. Чтобы, когда вернусь в Майами, я чувствовала себя лучше всех, – бормочу я. Обеспокоенное лицо Кейт заставляет меня смягчить сарказм. – Обещаю, это моя последняя полуночная вечеринка на кухне.

– О, как ты пообещала встретиться с отцом Моралесом, но отменила встречу втайне от родителей?

Ну конечно, маме ей все рассказала. И она права; я отменила встречу со священником, и они были в ярости. Я понимаю, что психологические консультации или терапия могут помочь людям. Но я сама решу, с кем и когда разговаривать. Я не могла не пустить Стефани на самолет в Африку, или отмотать прощальную речь Андре, или... abuela. Я не могла остановить руку Господа. Но я в состоянии контролировать свои слова, свое сердце, свою боль.

Духовка начинает пищать. Я беру прихватки и перекладываю формы на деревянный стол. Идеальные масляные торты по бабушкиному рецепту.

– Я пойду спать, как только заглазирую их и подготовлю к приходу Полли утром. *Обещаю.*

Кейт склоняется над тортами.

– Так это все из-за Полли.

No. Sí.³⁷

– Она едва сказала мне пару слов после того, как... то есть утром. Она думает, я ничего не умею.

– Нет, она вовсе так не думает. Полли проработала здесь пятнадцать лет, и у нее свои традиции. Я понимаю, что ты хочешь реабилитироваться. Но ты заболеешь, если будешь продолжать в таком духе, – говорит Кейт. Я молчу, она тяжело вздыхает. – Я зайду через час, чтобы убедиться, что ты в постели. И это *мое* обещание.

Затем я снова остаюсь одна.

Реабилитироваться? Вот что я пытаюсь сделать? Или я пытаюсь исправить ту испорченную сожженную часть своей жизни, потому что была уверена, что смогу это сделать?

Несколько минут спустя торты заглазированы, водружены на блюда и идеально задокументированы в моем «Инстаграме». Через пару минут после этого я поднимаюсь по лестнице, ведущей в лофт.

Кейт оставила для меня тусклый свет в холле. У двери в комнату я замечаю что-то при-слоненное к стене. Я, должно быть, не заметила этого по пути вниз. Я вижу обрамленный рисунок дома в Корал-Гейблс. Затем поднимаю картину и прикрепленную к ней записку, которую читаю по пути:

Подумал, ты захочешь повесить ее в своей комнате, чтобы она напоминала тебе о доме. Даже не думай засовывать ее в свой чемодан. Я одолжил ее на время, пока ты здесь.

– *Гордон*

Я качаю головой и ставлю картину на прикроватную тумбочку. Каждое утро меня будут встречать персиковая штукатурка и черепичная крыша. Быстро приняв душ, я вытягиваю руку из-под белых простыней и касаюсь через стекло крошечной белой двери. В детстве у меня не было кукольных домиков. Я играла с деревянными ложками и бренчащими мисками. Но здесь я закрываю глаза и представляю себя в этом домике мечты. Сперва я протискиваю через дверь Стефани кукольных размеров, одетую в футболку университета Майами. Следом за ней Андре. Мы сидим, пьем колу с лаймом на тщательно прорисованном Гордоном крыльчке. Затем мини-Пилар и мини-я разрабатываем план по захвату мира нашим семейным бизнесом, придумывая один оригинальный рецепт за другим. Я не могу забыть про маму и папу: они лежат на диване, смотрят по телевизору любимое кулинарное шоу «Фэмили Стайл». Наконец я добавляю бабушку. Она идет на кухню, где мы готовили тамале и сотню других блюд. Я ставлю ее к раковине, где нашла ее три месяца назад. Здесь она стоит прямо. В этом маленьком персиковом домике ее сердце бьется.

³⁷ Нет. Да.

Глава 7

Три ужина спустя, после жареного цыпленка Спенсера (объедение) с болтовней Гордона на гарнир о современных постройках, разрушающих средневековую атмосферу города (скукотища), я закрываюсь в своей комнате. Часы показывают, что в Майами середина дня; Пилар уже, скорее всего, вернулась со своих летних курсов в Международном университете Флориды.

Лицо сестры материализуется в FaceTime. Она снова сидит в кабинете пекарни, который теперь больше похож на ее рабочее место, а не папи. Так же как кухня все больше становится моей с каждым днем, хотя я в четырех тысячах миль от нее. Мама и папа потихоньку отходят от дел в «Ла Паломе» и вкладывают больше сил в поиск нового помещения под кондитерскую. Меньше чем через год все управленческие обязанности лягут на нас с Пилар, и я с нетерпением этого жду. После короткого приветствия я говорю:

– Забери меня обратно.

Пилар знает, где находится «обратно».

– Но ты...

– Просто забери меня, понятно? – На моем лице, должно быть, написано «*То, что я здесь – наполовину твоя вина, и я так сильно скучаю по дому*», потому что она фыркает и идет с ноутбуком по коридору.

– За целых десять дней здесь ничего не поменялось.

– Заткнись, Пили. – Я замечаю мешки с мукой и сахаром, сваленные в кладовке. Ближе к кухне в очередь выстроились стеллажи. Теперь она стоит на фоне люминесцентных ламп, огромной металлической раковины и присыпанных мукой рабочих поверхностей.

– ¡A ver!³⁸ Поздоровайтесь с Лайлой из Англии, – восклицает Пилар. Я слышу свое прозвище поверх сегодняшнего саундтрека – афрокубинского джаза. Estrellita. Хави, Марта и Джо бросаются к экрану и посылают мне воздушные поцелуи.

Я отвечаю, эмоции царапают горло. Я также узнаю, что родители заняты большим заказом.

– Анджелина там?

– У нее перерыв. – Пили ставит ноутбук на стеллаж, заваленный подносами с empanadas³⁹. – Она хорошо справляется с твоими обязанностями. Даже лучше, чем просто хорошо.

– Подожди. Поднеси ноутбук поближе. – Я подношу телефон к самому носу. – Я же сказала Анджелине, что нужно аккуратно смазывать яйцом, а не ляпать, как абстрактную картину. На половине даже до краев не доходит. Думаешь, нас пригласят на «Фэмили Стайл» с такой едой? – Мы давно мечтаем попасть на популярное телешоу, в котором принимают участие семейные ресторанички. И эта мечта не сбудется с такой небрежной выпечкой. – Марта должна была заметить.

Пилар переставляет ноутбук, но я успеваю увидеть, как она закатывает глаза.

– Я пробовала один пятнадцать минут назад. Пальчики оближешь, – говорит она.

– Пили! Скажи ей. – На кухне «Ла Паломы» есть свои стандарты.

– Ну, нет. Это не моя территория. Попрошу Хави с этим разобраться.

Я сажусь на свою кровать с балдахинном.

– Но если серьезно? Вкус и текстура были такие, как нужно?

– Sí, hermana⁴⁰. Теперь скажи мне, что ты хотя бы выходишь в город.

³⁸ Посмотрите!

³⁹ Пирожки с начинкой.

⁴⁰ Да, сестра.

– Я... бегала.

– Лайла... – Пили протяжно произносит мое имя – *Ла-а-а-а-а-а-айла-а-а-а-а-а*. – Думаешь, если будешь избегать Винчестер, то магическим образом перенесешься в Майами раньше срока? Это такая игра?

Брр. Я хотела придушить сестру вместе с ее правотой. Это написано на моем лице. Но затем мой подбородок морщится, а глаза наполняются слезами. Я хотела бы, как раньше, сесть плечом к плечу с сестрой на диван – наше место для разговоров – есть закуски, которые, скорее всего, я до этого приготовила.

Пилар закрывает лицо двумя руками.

– Я бы сказала тебе пойти погулять, завести друзей или что-нибудь еще ради *меня*. Или, если ты меня не слушаешь, ради бабушки. Но ты не послушаешься. Я знаю, что ты должна сама этого захотеть.

Сестра настаивает, чтобы я шла дальше, двигалась дальше, жила дальше. Так много этих *дальше*. Я на секунду отвожу взгляд в сторону.

– Если спросят, говори, что у меня все отлично, ладно? Каникулы мечты.

Она хмурится.

– Твой фальшиво-глянцевый «Инстаграм» – это одно. Снимки *pasteles*⁴¹ и вида из окна. Но я не буду врать ради тебя.

Я хотела, чтобы родители Андре и Стефани видели, что у меня все отлично.

– Считаю, что это креативный маркетинг. Ты ведь в нем эксперт.

Она качает головой.

– Пили, – протягиваю я. – *Empanadas* Анджелины хороши, но ты знаешь, что им далеко до моих, верно?

Пили снова в кабинете, который скоро станет ее.

Ярко-накрашенные губы сестры изгибаются в усмешке.

– Всем далеко до того, что мы с тобой умеем.

Мы попрощались, но мои глаза все еще влажные от слез, когда я тянусь за пультом от телевизора. Приглушенные звуки наполняют мою комнату, но я не успела нажать ни одной кнопки. Я слышу отдаленные радостные голоса и смех. Звук идет не из комнаты Гордона. В боковое окно я вижу группу людей, собравшихся на соседнем церковном дворе.

Окно издает ужасающий скрип, словно крик банши, когда я открываю его. Голоса затихают, люди пялятся на меня. Конечно, Орион Максвелл задирает голову и смотрит в сторону гостиницы, прилегающей к двору.

– Лайла из Флориды, – кликает меня он, пока его родственники, друзья или фанатики чая с промытыми мозгами смотрят на меня.

Я учтиво машу рукой.

– Если бы это был балкон, а не окно, то ты сошла бы за Джульетту, – говорит он. Его мелодичный акцент теплом проливается на прохладное темное небо.

Джульетта? Только если Шекспир втайне хотел изобразить любовницу Ромео с растрепанным пучком волос на голове, одетую в черную футболку и джинсы-бойфренды.

– Спокойной ночи, Орион и его...

– Присоединяйся.

Я окидываю взглядом свою мягко освещенную комнату. Ох, еще столько дел. Посмотреть несколько выпусков «Фэмили Стайл», сделать увлажняющую маску и попытаться вернуться к нормальному режиму сна, который я оставила в Западном Дейде.

⁴¹ Пирогов.

– Я... э-э-э... – Моей сестры больше нет на экране, но я все еще вижу ее лицо и уже чувствую теплую улыбку через океаны, если скажу ей, что не только выходила погулять, но даже общалась со сверстниками.

– Спуститься сюда в твоих же интересах. – Остальные возвращаются к разговорам, но Орион отделяется от них и подходит ближе к стене. – Я бывал в гостевой спальне Уолласов. Твоя кровать выходит на север, и я даже не могу передать, сколько проблем тебе это сулит.

Ну все – я смеюсь. Не могу удержаться. Смех покинул меня в марте. И я не могла найти его с тех пор. Но здесь он густо и широко разворачивается под желтой луной.

Остаться или пойти – это мой выбор. Я сделаю его на своих условиях. Никто не заставит меня сделать больше, чем то, что я готова дать. И сегодня я тоже не стану обманывать себя. Яркая волна смеха приносит такое же удовлетворение, как и выпечка. Я поднимаю руки, признавая поражение.

Орион улыбается.

Я едва не сталкиваюсь лоб в лоб с Гордоном в коридоре.

Он отрывает взгляд от телефона.

– Прошу прощения. – Еще один любитель злоупотреблять этой фразой. – Иду вниз встретиться с друзьями.

– Я тоже. – По пути на второй этаж я пересказываю Гордону короткую историю знакомства с Орионом и приглашения на прогулку.

– Значит, он сказал, что твоя кровать выходит на север? – Он смеется. – Вот же идиот. Обожает суеверия. У него их целый склад в голове.

В Китае считается, что число четыре приносит неудачу. Теперь понятно, откуда это.

– Интересно, – говорю я, следуя за ним в фойе. Мы выбираем боковой выход, что рядом с кухней, потому что он ближе к церковному дворику. Тусклый свет люминесцентных ламп всегда включен, и сегодня миска с фермерской клубникой ждет на столе Полли – или меня – чтобы мы сделали из нее компот для масляных бисквитов с начинкой на завтрак. Прошло три дня после того, как я работала всю ночь, чтобы исправить свою промашку с тортами. И столько же дней с тех пор, как Полли была вынуждена признать, что мои переделанные торты получились невероятно вкусными и что я заслуживаю места на ее кухне.

При одном условии:

– Мы будем готовить по рецептам из моей папки. И только по ним, – сказала Полли. Если я хотела работать с мукой и сахаром, я должна была согласиться. Но Лайла Рейес из Майами не была бы собой, если бы у нее в запасе не было своих идей и трюков.

Мы с Гордоном пересекаем боковую парковку «Совы и ворона». На соседнем каменном здании висит деревянная дощечка, как и на многих других церковных приходах в Англии. Ничего не говорится о том, что группа подростков не может находиться в его дворе поздно вечером.

Орион хлопает Гордона по плечу, затем указывает на один из моих коротких рукавов.

– Ты бы лучше сбежала обратно за джемпером.

– За чем?

– Прошу прощения. За свитером.

– Мне не холодно, – говорю я. По правде говоря, пальцы на ногах превращаются в сосульки, торчащие из шлепанцев, а волосы на руках встают по стойке смирно. И все равно нет. Я вспоминаю о летних ночах в Майами. Теплый асфальт под босыми ногами и мускусный ветер, все еще прогретый от дневной жары.

Орион пожимает плечами.

– Как скажешь. – Он оборачивается к остальным троице и говорит: – Это Лайла. Она из Майами, приехала на лето в «Сову». После двух недель использования одной с Гордоном ванной она уже, скорее всего, знает о его любви злоупотреблять парфюмом.

В нескольких ярдах от него Гордон одной рукой печатает сообщение, другой – показывает Ориону средний палец.

Друзья стоят на расстоянии друг от друга, как углы треугольника. Вдруг темнокожий парень, на голову выше Ориона, делает шаг вперед, загораживая остальных. Он протягивает руку.

– Реми.

– Лайла.

Улыбка Реми приправлена бесконечной теплой добротой, а сам он одет в рубашку с закатанными рукавами, рваные джинсы и кроссовки.

– Подождите, народ. Я видела ее в окне. – Гнусавый голос доносится с деревянной скамейки. На ней лежит девчонка, перекинув через спинку обтянутые черными джинсами ноги и болтая в воздухе пурпурными кедами «Конверс». – Почти закончила. – Девчонка со скамейки одета в серый эластичный топ и жилет с замшевой бахромой, подчеркнутый огромным бирюзовым кулоном на цепочке. Мне бы такой образ не пошел, но он отлично сочетается с ее бледной кожей и светлыми волосами.

Она закрывает сиреневую тетрадку и резко встает.

– Прошу прощения. Должна была накидать идеи, пока не забыла, – говорит она и перелистывает страницы. – Я Джулс. Только не зови меня Джулианной.

Орион быстро поясняет, что они с Реми встречаются, семья Реми владеет лучшим пабом в городе, а Джулс пишет песни.

Орион добавляет:

– Только учти: следи за словами, иначе она может использовать их в своей песне.

– Он не преувеличивает, – говорит Реми. Предостережение меня озадачивает. Я стараюсь прикрыть удивление улыбкой.

– Я запомню.

– Однако ничто не может превзойти мою ошибку, когда я принял миску Лайлы за Полли и снял пробу, – говорит Орион, затем детально пересказывает историю, размахивая своим флагом позора. Не знаю, присуща ли эта самоуничижительная честность всем британцам или только Ориону Максвеллу.

Когда он заканчивает, Реми толкает хихикающую Джулс локтем.

– Как думаешь, сможешь написать песню о моменте славы Ри?

– Думаю, нужно просто довериться самой музыке, иначе у меня не получится, – говорит Джулс.

– Ага, – выдавливаю я сквозь смех, – Моя abuela побежала бы за тобой с резиновым тапком и спросила бы, не учила ли тебя твоя мама хорошим манерам.

Прежде чем я успеваю закрыть рот, мои слова тонут в напряжении. Орион отворачивается, медленно кивая. Реми выхватывает из кармана телефон, но он держит его вверх ногами, как сидела Джулс, когда я впервые ее увидела. Автор песен снова изучает свою тетрадку с текстами.

¿Qué hice?⁴²

Моя ошибка. Зачем я это сказала. Знать бы только, что «это».

Спустя, как мне показалось, сто лет Джулс спрашивает:

– Так ты, значит, из Майами? Пару лет назад мы с родителями ездили в Лос-Анджелес в июле. Ну, знаешь, типичные каникулы. Голливудская аллея славы, Беверли-Хиллз. Тогда стояла аномальная жара, и у меня постоянно тек макияж. Я пыталась быть, ну, знаешь, замкнутым британским рокером, а больше была похожа на хэмпширского скунса с потными подмышками, который напал на Западный Беверли.

⁴² Что я сделала?

Я только что с ней познакомилась, но у меня уже появилось непреодолимое желание испечь для Джулс-только-не-зови-меня-Джулианна печенье «*Спасибо*» и *pastelito* под названием «*Ты спасла мою задницу*».

Реми усмехается; улыбка во все его лицо. Орион подходит ближе; его черты накрахмалены и отутюжены, неловкие морщины в прошлом.

Я понимаю, что бездействую. Ничего не делаю, когда мои слова несутся впереди любопытства, и все чувствуют себя неловко.

– Майами летом – это как если окунуть ЛА в чан с кипящим гудроном, затем в сауну и обдать сверху горячим дождем. Гордон подтвердит, он... – Но Гордона рядом нет. Он сидит на широком краю спящего фонтана со статуей – вероятно, какого-то святого – в центре двора. Рядом с ним сидит девушка, выглядящая на несколько лет младше, чем все остальные друзья Ориона. Они о чем-то оживленно болтают. – Почему вы зависаете здесь?

– Мы все живем неподалеку, а территория «Совы» только для гостей, – отвечает Орион. – Большую часть года слишком холодно, чтобы сидеть на улице. – Он пожимает плечами. – Лето в Винчестере короткое. Мы собираемся здесь и наслаждаемся недолгим сезоном приемлемой погоды.

– Это не совсем подходит под мое определение «приемлемой погоды». – Ледяной ветер обдувает мокрый от недавнего дождя асфальт. Обдувает меня. Я едва чувствую пальцы на ногах.

Орион оценивающе смотрит на меня сверху вниз.

– Это миссис Уоллас сказала тебе взять такую одежду для Англии?

– Скорее, это я сказала себе взять такую одежду для Англии, – ворчу я.

– Хорошо. – Он скидывает серый кардиган крупной вязки с широким воротником и огромными пуговицами. Если бы я увидела его на вешалке, подумала бы, что он принадлежит какому-нибудь британскому дедушке. Но на Орионе он выглядит так, словно был придуман и связан исключительно для него. Удобный и современный, он идеально сидит на его долговязой фигуре. Парень скромно протягивает его мне. – Мне становится холоднее от одного вида, как у тебя стучат зубы и бегают мурашки по коже. Так что, если ты его наденешь, нам обоим станет теплее.

¡Ponte un suéter, que te vas a resfriar!

Больнее всего ночью. И днем, когда я накрываю тесто влажными полотенцами, чтобы оно поднялось. И все время.

И все же конечности меня подводят. Им нужно больше тепла, чем я могла дать в последнее время. Свитер в моих руках, на лице Ориона улыбка, и, *dios*, шерсть такая мягкая. Сначала я просто накидываю его на плечи, но руки сами лезут в длинные туннели рукавов. Манжеты закрывают пальцы, как перчатки.

– Спасибо. – Но мы все смотрим на Джулс, пока она что-то записывает в тетрадь.

– Серьезно? Это вдохновило тебя на новый текст? Кардиган и замерзшая жительница Флориды? – спрашивает Орион.

– Не обращайтесь на меня внимания. – Джулс продолжает писать. – Как бы там ни было, рыцари еще не перевелись. – Ее лицо светится. – Рыцари. Ха! Не забудь про воскресенье. – Она толкает Реми локтем и кивает в сторону Ориона.

– Кстати, – говорит Реми Ориону, – у отца все готово для тебя и, э-э, твоей подруги.

Джулс хлопает себя ладонью по лбу.

– Не будь таким идиотом. Называй вещи свои именами – «свидание» Ориона с девушкой. – Она рисует кавычки в воздухе. – И отец Реми согласился приготовить ужин, который можно будет разогреть?

– Это отличное второе свидание, – говорит Реми. – Необычное. Вы ведь уже ходили в кино.

Я думала, что видела, как Орион краснеет, когда он запустил палец в мое тесто. Но это было только превью. Ярко-красная краска, громче, чем музыка Гордона, разливается с щек Ориона и перетекает на обнаженный под воротником участок груди.

– Не могли бы вы двое, пожалуйста, заткнуты...

Мысль Ориона обрывается, когда девушка с фонтана резко поднимается и идет к выходу. Ее миниатюрная фигура превращается в вихрь коротко стриженных выющихся локонов.

– Подожди, Флора, – говорит Орион, – ты еще не познакомилась с Лайлой. – Флора закатывает глаза и показывает телефон. – Подождешь тридцать секунд. – Его слова остры, как нож мясника.

Она топает к нам в черных ботинках «Доктор Мартинс» и обтягивающих серых джинсах.

– Лайла, это моя сестра Флора.

А-а-а, сестра. Увидев ее ближе, я понимаю, что они правда похожи, с одинаковыми кудряшками и чистой персиковой кожей. И у обоих ярко-голубые глаза, хотя Флора мечет ими молнии.

– Приятно познакомиться, – говорю я.

Она задирает нос.

– Ага. Добро пожаловать в Англию, – бросает она с каменным лицом, затем поворачивается к брату. – Мне пора.

– Куда ты сказала идешь? – спрашивает Орион.

– Я не говорила.

Орион смотрит по сторонам, затем аккуратно берет Флору за локоть и отводит в сторону. Я слышу только обрывки их разговора: «Правила не изменились, только потому что отец путешествует». Они тихо перешептываются и прожигают друг друга взглядами.

Остальные трое сели на скамейку Джулс. Гордон и Реми смотрят что-то в телефоне Гордона, а Джулс продолжает писать, положив голову на колени Реми и перекинув ноги через деревянную спинку.

Я сижу одна на краю фонтана, чувствуя, как холод от камня просачивается сквозь джинсы, пока ко мне не присоединяется Орион. Он садится, стискивает колени руками.

– Ей пятнадцать, и ее бесит, что я старше на четыре года и несу за нее ответственность, пока отца нет дома.

– Он много путешествует?

– По работе. Несколько раз в год он уезжает в отдаленные части света в поисках новых сортов чая и смесей. Сейчас он в Китае.

А где их мама? Наверняка неспроста все так странно отреагировали на мою случайную ошибку. Но я чувствую, что сейчас не время задавать такие вопросы. Я вообще думаю, что мне здесь не место. Мозг вспоминает о том, что я умею, формирует идеи.

– Я тоже могла бы помочь. В воскресенье вечером тебе и твоей... – Я морщусь.

– Ее зовут Шарлотта. – Он едва заметно закатывает глаза, его улыбка испаряется. – Это не такой уж секрет, а мои друзья просто придурки.

– Она живет где-то рядом?

– Нет, но недалеко. В соседнем городе. Ее семье нравится чай из нашего магазина.

– Похоже, ей нравится не только чай.

Лицо Ориона несчастно, он кажется слегка запутавшимся. Голубые глаза сосредотачиваются на чем-то бесформенном, отдаленном. На чем-то, что находится далеко за пределами этого крохотного дворика.

– Что за предложение?

Я плотнее укутываюсь в его свитер, зарываясь носом в аромат древесины и отголоски его парфюма.

– Да. Особенный ужин...

– Мы говорим «чай». То есть «ужин». Это означает приглашение поесть, а не выпить чашку чая.

Ох, Англия.

– Особенный чай заслуживает впечатляющего десерта...

– Пудинга.

Я озадаченно смотрю на него.

– Нет, не пудинг. Я хотела сказать, что могла бы испечь торт или что-нибудь еще на кухне в «Сове».

– Во-первых, не стоит беспокоиться. Во-вторых, здесь десерт часто называют пудингом. Что может запутать только сильнее, я полагаю, потому что пудинги обычно тоже подают как... пудинги.

О, моя голова. Дело не в смене часовых поясов. Во всем виновата Англия.

– Видишь ли, я не против беспокойств. А также поверь, что мои пудинги действительно великолепны.

Орион улыбается.

– Хорошо, я согласен. Спасибо. – Он открывает, затем закрывает рот, нервно двигает головой. – У меня тоже предложение.

Я жестом показываю, что готова выслушать.

– Что ж, раз ты здесь новенькая, тебе мог бы пригодиться кто-то, кто покажет тебе город. Я прожил здесь всю жизнь. – Он указывает большим пальцем в сторону друзей. – Они тоже, и экзамены у них скоро кончатся. Так что мы могли бы... э-э... мы могли бы... хм-м, сделать это. В смысле показать тебе город.

Мой кубинский радар начинает пищать. *Espérate*⁴³ – что-то здесь не так. Орион барабанит пальцами по коленке; глаза бегают, как у оленя, услышавшего шаги охотника.

– Показать мне город. Хорошо. И это твоя идея?

У него должны быть очень интересные кроссовки. Он внимательно на них смотрит.

– Ну, я имею в виду, тебе было бы полезно...

Я хрипло смеюсь.

– Она тебя попросила, верно?

– Кто? – резко бросает он.

– Твое предложение написала латиноамериканская мама на латиноамериканской бумаге латиноамериканскими чернилами. Это идея Кейт, верно? Она что, пришла в твой магазин или столкнулась с тобой на рынке? – Его подбородок дергается, и я понимаю, что права. – Я так и знала!

Орион поднимает ладонь в воздух.

– Лайла, мне ужасно жаль. – Он качает головой. – Это не теория заговора, как тебе могло показаться. Миссис Уоллас сказала, что ты приезжаешь. А дальше пошло-поехало.

Разумеется. Она выбрала, что мне нужно, вместо того чтобы позволить мне сделать выбор самой – все по маминой методичке, несмотря на двадцать лет жизни в Англии. В мою голову приходит новая мысль, от которой мне хочется спрятаться за статуей фонтана. Я поднимаю взгляд к моему окну на третьем этаже. Джульетта, ну-ну.

– Полагаю, было несложно.

Он вздыхает, машет руками, словно рефери.

– Нет. – Он морщится. – Черт, я знаю, как это все выглядит, но миссис Уоллас не просила, чтобы я звал тебя сегодня к нам. – Я вскидываю брови. – Честно. Это было спонтанное решение. – Он твердо смотрит на меня. – У меня много грехов, но я не лгун.

⁴³ Подожди.

Я отстраненно киваю. У меня нет причин сомневаться в его искренности. Она теплая, как его свитер. И он не виноват в том, что угодил в ловушку заботливой, но лезущей не в свои дела венесуэлки.

Однако я сама буду решать, как мне здесь жить.

– Что касается схемы Кейт, то мы с этим разобрались. И это не имеет никакого отношения к тебе или твоим друзьям. Они клевые. Но касательно выполнения обещания, данного матери твоей подруги, не переживай. У меня есть карта. Я сама найду достопримечательности, которые захочу посмотреть.

Он выдыхает.

– Договорились. Но тебе не нужно ждать приглашения, чтобы погулять с нами здесь. Или где-нибудь еще.

– Договорились.

Мы присоединяемся к остальным, и, должна признать, мне с ними нескучно.

Позже я перестаю смеяться и пить из серебряной фляжки, которую Гордон передавал по кругу. Я вынырываю из свитера Ориона, согревшись до *не-как-в-Майами градусов по Цельсию*. Я думаю о том, как мы замораживаем еду, чтобы она не испортилась и чтобы использовать ее позже. Может, того же хотела моя семья. Заморозить мое огненное сердце и тело, пока они не исцелятся.

Глава 8

Я проезжаю два квартала в сторону города на одном из зеленых велосипедов для гостей «Совы и ворона», прежде чем сдаться и отправиться обратно; у меня стучат зубы. Я еще не носила свитеры Пилар. Я без разбору достаю из шкафа теплую черную куртку и накидываю ее на свое замерзшее тело. ¡Сагајо!⁴⁴ Я даже отказываюсь думать об этом.

Полли обычно готовит сверх нормы по субботам, чтобы по воскресеньям брать выходной. Я бегаю в то время, когда по остальным дням занята выпечкой. А сейчас я еду на велосипеде в то время, когда по остальным дням бегаю. Улицы Сент-Кросс влажные и скользкие; меня сопровождают хор собачьего лая и перезвон церковных колоколов. Ветер обдувает лицо – чистый и приятный – и через пару минут я приезжаю в центр города и пристегиваю велосипед рядом с пешеходной зоной Хай-стрит.

Я бреду по коммерческой улочке, позволяя Винчестеру быстро пронести меня через воскресенье. Я не верю в магию или легенды. Но на несколько мгновений этот город становится достаточно большим для того, чтобы я забыла, откуда я и зачем. Я спокойна и не скучаю отчаянно по вчерашнему дню, и это совсем на меня не похоже.

Однако эта магия временна. Вскоре чары разрушаются, и я снова становлюсь самой собой, которая помнит слишком много. Я тяжела и снова чувствую твердую почву, когда подхожу к магазинчику «Фарлейс». Колокольчик объявляет о моем появлении в помещении с деревянными панелями, приправленном терпким ароматом пачули и старой бумаги. Посетители снуют вокруг деревянных витрин, плотно заставленных пластинками, или рассматривают шкафы в поисках других винтажных находок.

Я тоже осматриваюсь, перебираю легенды панка и джаза, а также британские группы, о которых никогда не слышала. Понятия не имею, что я, *возможно*, могла бы купить для Пилар. Я уже собираюсь уйти отсюда и отправиться на рынок, когда мое внимание привлекает древняя коричневая обложка музыкального альбома. *Orchestra Epoca*. Сальса! Все внутри меня уже пускается в пляс. Я переворачиваю пластинку и позволяю далеким воспоминаниям, которые всегда вызывала первая композиция, «Trampas», заполнить тоску по дому барабанами, фортепиано и медными риффами.

Через несколько мгновений я открываю глаза и замечаю черный с заплатками бомбер и светлые кудряшки. Сестра Ориона, Флора, тоже заглянула в «Фарлейс». Меня не видно из-за шкафа с пластинками. Флора разглядывает старый компакт-диск, когда рядом с ней появляется высокий мужчина – на самом деле парень восемнадцати-девятнадцати лет. Асимметричные черные волосы закрывают половину лица. На нем широкие джинсы и кожаная куртка болотного цвета. Я не могу слышать, о чем они говорят. У них напряженные лица, пока Флора не ставит диск на место и не вылетает на улицу. Но парень следует за ней, и Флора замедляет шаг, прежде чем они пропадают из виду.

Знает ли об этом старший брат? Теперь я начинаю звучать, как *chismosas*⁴⁵ из Западного Дейда – скажем проще, болтушки, которые следили за каждым моим шагом с Андре. Интересно, они до сих пор обсуждают меня в местных магазинах, салонах и ресторанах?

Здесь меня не окружают сплетни. Я могу выйти на улицу и прогуляться до рынка, и никто не знает моей истории. Claro⁴⁶, что я все еще девушка, пережившая тройное несчастье. И всегда ей буду. Но пока я бреду по тротуару, я всего лишь семнадцатилетка, которая идет за ингредиентами для кубинского флана. И это лучшее напоминание о доме.

⁴⁴ Черт возьми!

⁴⁵ Сплетницы.

⁴⁶ Ясно.

Кубинский флан – вот что я решила приготовить для Ориона и... Шарлотты? Пока Орион рассказывал прошлым вечером про пудинг, я решила испечь то, что по сути является пышным кремовым пудингом. У кубинцев много пудингов: Natilla и arroz con leche самые популярные. Ванильный с корицей и рисовый пудинги – простые десерты на каждый день. Еда для заедания стресса, а не произведение кондитерского искусства для особенного свидания.

Но флан пышный, сексуальный и, может, даже элегантный. Украшающее сверху озеро из карамельного сиропа поблескивает медным золотом. Есть несколько вариаций флана, адаптированных от его европейских корней. Обычно я готовлю бабушкину кубинскую версию; она слегка плотная и сладкая. Это один из немногих моих десертов, в который я добавляю больше сахара. Он делает его более запоминающимся.

Кухня «Совы» сегодня полностью в моем распоряжении. Я подготовила все ингредиенты. Яйца здесь отличаются от тех, что были дома – они меньше и ярче. Я взбиваю сверкающие белки и отдельно – желтки, огненно-оранжевые, как маленькие солнышки.

Задняя дверь распаивается; Спенсер и Кейт входят с корзиной урожая из огорода.

– Даже в выходной она здесь, – говорит Спенсер.

Кейт заглядывает в миску.

– Flan Cubano⁴⁷?

Я добавляю топленое и сгущенное молоко.

– Своего рода особый заказ для Ориона.

– Особый – это хорошо. Мы со Спенсом уже четыре года не ели хорошего флана, – задумчиво произносит Кейт.

Я указываю на две стеклянные формы для выпечки.

– Я так и подумала. Поэтому делаю двойную порцию, так что вам тоже достанется.

– Вот это я понимаю. – Спенсер перекладывает томаты и огурцы в деревянную миску.

Он уходит, но Кейт заглядывает в кладовку за жестяной банкой с чаем. Я молчу по поводу ее встречи с Орионом, гадая, заговорит ли она об этом сама. Или, может, она ждет, что я первая подниму эту тему. Думает ли Кейт, что этот флан как-то связан с тем, что она лезет в чужие дела?

– Неудивительно, что Орион доставляет вам заказы. Очевидно, у него не так уж много работы в магазине, раз он готов тратить время на игру в гада.

У Кейт смущенный вид, но только на полсекунды. Затем ее губы изгибаются в усмешке.

– Я просто не смогла удержаться.

– Я так и поняла, – будничным тоном говорю я и беру в руки венчик. – Разумеется, я ему отказала.

– Так и знала. – Что ж. Мы не сводим друг с друга глаз, но быстро смягчаемся. Она улыбается. Я качаю головой и закатываю глаза.

Прежде чем уйти, Кейт наклоняется ко мне поближе, несколько длинных прядей выбились из пучка и распушились от работы в саду.

– Когда я зашла, ты улыбалась.

– Я всегда счастлива на кухне.

– Ага-а-а-а-а-а-а-а. – Кейт протягивает последний слог так долго, что он звучит даже после ее ухода.

Улыбалась или нет, я с деловым видом возвращаюсь к своему флану. Проходит уже час, руки сами все помнят. Когда смесь готова, я тянусь за противнем и проверяю телефон на дальнем столе. Глупо было доставать его, ведь мне здесь никто не напишет и не позвонит. Во Флориде едва рассвело. Кто мне напишет? Но «Инстаграм» никогда не спит.

⁴⁷ Кубинский флан.

Андре Миллан. Университет Майами. Фанат Харрикейнз и Мартинс. Зависим от мороженого.

Когда-то в его био можно было написать зависим от pastelito. Зависим от Лайлы. Но не теперь. Листать его ленту – это как расковыривать болячку. Я знаю, что так она не заживет. Claro que sí⁴⁸, я должна залепить ее пластырем, скрыть от глаз. Но что касается воспоминаний, здесь я не так сильна, как на кухне.

Андре вчера выложил новую фотографию с геолокацией на Саут-Бич. Я почти чувствую мощное сияние солнца – моего солнца, а не рассеянной, вечно играющей в прятки английской версии. Я чувствую запах соленой воды и его любимого солнцезащитного крема «Сан Бам». Это снимок скрученного полотенца, наушников и радужных шлепанцев, расположенных на переднем плане. Подпись под фото: *«Суббота должна быть такой...»*

Какой должна быть суббота, Андре?

Я не могу игнорировать мысль, которая болтается, как торчащая нитка на бабушкином фартуке. Андре никогда не ходит на пляж один. Он с друзьями или?..

Я роняю телефон, как горячую картошку.

¡Basta! Хватит. На прошлой неделе бесполезные мысли одолели меня, я испортила торты и выставила себя полной дурой. Любителем. Я позволила Андре испоганить масляный торт, но я не дам ему загубить мой флан. Я поднимаю телефон и зажимаю иконку в виде камеры, чтобы удалить «Инстаграм».

Я делаю глубокий вдох, затем выдох, стараясь задержать мгновение, пока оно тоже не исчезло. Теперь пора возвращаться к работе. Я разделяю смесь на две формы для выпекания, в которые уже налит сахарный сироп, затем ставлю их на противень и отправляю в заранее разогретую духовку. Теперь ваño magia – водяная баня. Так мой флан будет пропекаться плавно и равномерно и не потрескается. Электрический чайник звякает. Я наливаю дюйм кипящей воды в противень и доверяю духовку науке, которая похожа на магию. В такую магию я верю.

После пасты карбонара Спенсера с салатом из огорода и моим (идеальным, наивкуснейшим) фланом я держу корзину со стиркой и смотрю в окно на закат. Два часа назад я отправила Гордона доставить Ориону флан после того, как тот поклялся: *«Да, Лайла, я понял, что у тарелки стеклянная крышка, и я ее не уроню».*

После звукового сигнала на экране моего ноутбука разворачивается окно FaceTime. Родители за кухонным столом теснятся перед экраном папиного компьютера. На фоне я слышу запоминающуюся мелодию из «Фэмили Стайл». Полуденное солнце ярко светит за их спинами.

Мы разговариваем уже не в первый раз. Но начало нашего диалога всегда настроенное. Мы не похожи на самих себя... с тех пор, как я потеряла целый мир, а они отправили меня за полсвета, чтобы я пришла в себя.

– Вот она, моя красавица, – говорит папи. Но его карие глаза с нависшими веками говорят о другом. *Станешь ли ты когда-нибудь той Лайлой, которую мы знали?*

– Отлично выглядите, – говорю я. Так банально. Так плоско. Я чувствую запах кухни через экран. Апельсины, гуава, молотый кофе, но не тамале. Они слышат меня через экран? Слышат, о чем я мысленно кричу? *Вы не будете есть тамале до моего возвращения! Пилар, Стефани и я готовили их с бабушкой по воскресеньям. Затем Пилар, я и Стеф. Теперь двое из них исчезли, и Пили не станет готовить тамале без меня.*

– Теперь, когда ты обосновалась, у тебя есть все, что нужно? – спрашивает мами. *Ты с кем-нибудь познакомилась? Тебе лучше?*

⁴⁸ Конечно.

Мне нужно, чтобы Стеф вернулась из Африки и поговорила со мной. Мне нужно, чтобы Андре понял, что он может найти себя и одновременно любить меня. Мне нужно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.